

- Роберт ГОВАРД
 - 1. СМЕРТЬ КОРОЛЯ
 - 2. ВАРВАР С ГОР
 - 3. ХЕМСА ПРИБЕГАЕТ К МАГИИ
 - 4. ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ
 - 5. ЧЕРНЫЙ СКАКУН
 - 6. ГОРА ЧЕРНЫХ ПРОРИЦАТЕЛЕЙ
 - 7. ПУТЬ К ЙИМШЕ
 - 8. ЖАСМИНА ПОЗНАЕТ УЖАС
 - 9. ЗАМОК КОЛДУНОВ
 - 10. ЖАСМИНА И КОНАН
-

Роберт ГОВАРД ЛЮДИ ЧЕРНОГО КРУГА

Отклонив предложение Аршака, преемника Кобад Шаха, вернуться на службу в Иранистан и защищать это королевство от вторжений Ездигерда, короля Турана, Конан отправляется на восток — к подножиям Гор Химелиан на северо-западной границе Вендии. Там он становится военным вождем дикого племени афгули. Конану немногим больше тридцати лет (точнее, тридцать три), он в расцвете физических сил. Слава о нем разошлась по всему цивилизованному и варварскому миру, от Пиктских земель до Кхитая.

1. СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Король Вендии умирал. В горячей душной ночи рокочущим звоном раздавались звуки храмовых гонгов и натужно ревели раковины. Только слабый отзвук доносился в комнату с золотым сводом, где среди бархатных подушек разметался на ложе Бунда Чанд. Капли пота выступили на смуглой коже короля, пальцы впились в златотканое покрывало ложа. Он был молод, король Вендии, но не копье поразило его, не яд, всыпанный в вино. А виски его уже вздулись синими узлами вен, глаза потускнели в предчувствии неминуемой близкой смерти.

У ложа на коленях стояли трепещущие наложницы, но ближе всех к изголовью была сестра короля Дэви, Дэви Жасмина. С глубокой печалью смотрела она на брата, а рядом тревожно замер вазам, достигший при дворе наивысших почестей, доживший здесь до почтенной старости.

Когда гул барабанов снова достиг ее ушей, Жасмина гневно вскинула голову.

— Проклятые жрецы со всей своей мышиной возней! — воскликнула она с ненавистью и отчаянием. — Они так же беспомощны, как и все остальные! Король умирает, и никто во всем городе не знает, отчего. Он умирает, а я стою здесь, совершенно беспомощная, я, готовая сжечь весь город и отдать тысячу жизней за то, чтобы спасти его!

— Нет в Айодхье человека, который бы не отдал жизнь свою за короля, если бы смог, о Дэви, — медленно проговорил вазам. — Но этот яд...

— Говорю тебе, это не яд! — крикнула Жасмина. — Я кое-что понимаю в ядах; это — не яд! С младенчества Чанда охраняли так, что самые ловкие отравители Востока не могли до него добраться. О тех, кто пробовал это сделать, красноречивей всего говорят пять черепов, белеющих под солнцем и ветром на башне Бумажных Змеев! Десять мужчин и десять женщин живут во дворце лишь для того, чтобы пробовать каждый кусок пищи, каждый глоток вина перед тем, как предложить его королю. Пятьдесят стражей днем и ночью охраняют его покои, и ты сам все это прекрасно знаешь. Нет, вазам, это не яд. Ужасное колдовство, злое проклятие...

Дэви не договорила. Король шевельнулся. И затем раздался голос. Посиневшие губы Бунды Чанда даже не дрогнули, в остекленевших глазах не появилось даже проблеска сознания, но голос его звучал, тихий и страшный, словно взывающий из бездонной пропасти, где гуляют бешеные вихри, словно невнятный крик, долетевший из несслыханных далей.

— Жасмина! Жасмина! Где ты, сестра? Я не могу найти тебя! Всюду лишь тьма и воющий ветер!

— Брат! — крикнула Жасмина, сжимая его бессильную руку. — Я здесь, я рядом с тобой! Ты не узнаешь меня? Ты меня не видишь?

Но увидев мертвенную бледность, разлившуюся по лицу короля, его безразличные глаза, почувствовав неподвижность его тела, она замерла. И только невнятный, глухой стон слетел с губ Бунды Чанда в ответ.

Наложницы у ног короля завывали от горя и ужаса. Дэви Жасмина с яростью рванула на себе платье.

А в другом конце города какой-то человек смотрел сквозь ажурную решетку балкона на улицу. Огонь коптящих факелов тускло освещал темные лица, обращенные к небу, отражался в сверкающих глазах. Тысячи людей причитали, молились и плакали в отчаянии.

Человек пожал плечами и возвратился в комнату с расписными стенами. Он был высок, строен и хорошо одет.

— Король еще жив, но, кажется, его уже решили отпевать, — иронично сказал он второму

человеку, что, скрестив ноги, сидел на циновке в углу комнаты. Его собеседник был одет в простую хламиду из коричневой верблюжьей шерсти, на ногах его были запыленные сандалии, на голове — зеленый тюрбан. Но на говорящего он поглядел с видимым равнодушием.

— Они прекрасно понимают, что Чанд не доживет до рассвета, — ответил он.

Первый человек посмотрел на него изучающе.

— Не пойму, — сказал он. — Не могу понять. Почему мне пришлось так долго ждать, пока твои хозяева возьмутся за дело? Если сегодня им хватило всего лишь одной ночи — почему же они не расправились с королем уже несколько месяцев тому назад?

— Законы природы управляют всем происходящим, даже тем, что тебе кажется магией, — ответил человек в зеленом тюрбане. — От звезд зависят и такие дела, как это, и все прочее на земле. Даже мои хозяева не в силах поторопить небо. Пока звезды не расположились на небе так, как сейчас, черные чары не подействовали бы.

Длинным грязным ногтем он начертал на пыльных мраморных плитах расположение планет и созвездий.

— Луна сулит беду владыке этой страны. Среди звезд смятение, Змея в доме Слона. Теперь невидимые стражи не могут охранить душу Бунды Чанда, они покидают его. Открылся путь к незримым королевствам, и как только нам удалось найти точку соприкосновения, оттуда были призваны могущественные силы.

— Точка соприкосновения? — переспросил второй. — Ты имеешь в виду прядь волос Бунды Чанда?

— Да. Все части тела пребывают между собой в нерасторжимой связи. Жрецы Асуры давно это подозревали, поэтому предусмотрительно сжигали отрезанные ногти, волосы и даже кал короля, а пепел старательно прятали. Но в ответ на просьбу принцессы Косала, безнадежно влюбленной в Бунду Чанда, он подарил ей на память прядь своих длинных черных волос. Когда мои хозяева решили судьбу короля, эту прядь похитили из золотого, украшенного драгоценностями ларца, который княжна хранила у себя под подушкой, а взамен подложили другую, очень похожую прядь. Принцесса так и не заметила подмены. Потом настоящая прядь долго путешествовала с верблюжьим караваном до Пешкаури и далее через перевал Забар, пока не попала в руки к тем, к кому должна была попасть.

— Обычная прядь волос, — задумчиво произнес аристократ.

— Благодаря которой многое можно извлечь из тела и увлечь в безграничные бездны мрака, — произнес человек, сидящий на циновке.

Аристократ с любопытством приглядывался к нему.

— Не знаю, Хемса, человек ты или демон, — сказал он наконец, — мало кто из нас и впрямь является тем, за кого себя выдает. Меня кшатрии знают как Керим Шаха, принца из Иранистана, но я всего лишь подставное лицо, как и прочие. Так или иначе — здесь все предатели, а половина из них даже не знает, на кого работает. Я, по крайней мере, избавлен от таких сомнений, потому что служу королю Турана Ездигерду.

— А я — Черным Прорицателям Йимши, — сказал Хемса, — и мои господа более могущественны, чем твой король; своим искусством они добились того, чего он не смог бы добиться со всей своей многотысячной армией.

Жалобные стоны вендиан неслись к звездному небу, рычащие звуки раковин рассекали темную душную ночь.

В дворцовых садах свет факелов отражался в блестящих шлемах, на изогнутых мечях и украшенных золотом нагрудниках. Все благородные воины Айодхьи собрались в огромном дворце и возле него, а возле невысоких арок и у каждой двери встали на стражу по пять десятков лучников со стрелами на тетиве. Но смерть шагала по королевским покоям, и никто не мог

остановить ее бесшумного движения.

В комнате с золотыми сводами король, страдающий от приступов невыносимой боли, вскрикнул еще раз. Голос его был все так же слаб и словно доносился издали. Дэви склонилась над ним, дрожа от страха, вызванного чем-то большим, нежели обычный холод смерти.

— Жасмина! — снова прозвучал приглушенный, полный страдания, крик из замогильной тьмы. — Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны завлекли мою душу в исхлестанную вихрем темноту! Они пытаются порвать серебряную нить, связывающую ее с погибающим телом. Они клубятся вокруг. Их руки словно когти, их глаза багровеют, как угли, тлеющие во тьме. Спаси меня, сестра! Их прикосновения жгут меня, как огонь! Они уничтожат мое тело и погубят душу. Что привело их ко мне? О боги!..

Слыша безграничный ужас в его голосе, Жасмина пронзительно вскрикнула и в отчаянии прижалась к его груди. Тело короля вздрогнуло от ужасных судорог, на исказившихся губах выступила пена, а судорожно сжатые пальцы оставили след на плече девушки. Но глаза короля потеряли стеклянный блеск, словно ветер на мгновение развеял застлавшую их мглу. Владыка Вендии посмотрел на свою сестру.

— Брат! — заплакала она. — Брат!..

— Спеш! — крикнул он, и его слабеющий голос прозвучал почти осмысленно. — Я проделал длинное путешествие и все понял. Я знаю причину своей гибели. Это колдуны с Химелианских гор напустили на меня злые чары. Они извлекли мою душу из тела и унесли ее далеко, в каменную комнату. Там они пробуют порвать серебряную нить жизни и заключить мою душу в тело ужасного чудовища, которое их заклятья извлекли из ада. Я чувствую их невероятную мощь! Твой плач и прикосновение твоих пальцев вернули меня, но только на несколько мгновений. Моя душа еще цепляется за тело, но связь слабеет!.. Скорее убей меня, пока они не заточили мою душу в эту тварь!

— Не могу! — рыдала она, колотя себя кулаками в грудь.

— Скорей, приказываю тебе! — в слабеющем шепоте короля появились прежние властные ноты. — Ты всегда слушалась меня, выполни же мой последний приказ! Отправь мою душу к Асуре незапятнанной! Спасай меня, иначе я буду обречен на вечное пребывание в теле адского чудовища! Убей меня, приказываю тебе! Убей!

С криком отчаяния Жасмина выхватила из-за пояса кинжал, изукрашенный самоцветами, и по рукоятку вонзила его в грудь брата. На мгновение король вытянулся на ложе во весь рост, затем его тело расслабилось, печальная улыбка смертной тенью легла на губы. Жасмина бросилась на каменные плиты, устланные душистым тростником и ударила по ним сжатыми кулаками.

А за окном все рычали раковины и гудели гонги, и жрецы ранили себя жертвенными ножами...

2. ВАРВАР С ГОР

Чандер Шан, губернатор Пешкаури, отложил золотое перо и внимательно перечел то, что написал на пергаменте со своей официальной печатью. Ему удалось править Пешкаури так долго только потому, что он тщательно взвешивал каждое слово, сказанное или написанное. Опасность учит осторожности, и только предусмотрительный человек живет долго в этом диком краю, где жаркие равнины Вендии встречаются со скалами Химелианских гор. Часа пути верхом на запад или на север было достаточно, чтобы пересечь границу, а там — горы. В горах же один закон — нож.

Губернатор был в комнате один. Сидя за искусно сделанным столиком из красного дерева с инкрустацией, он видел через широкое, открытое для прохлады окно квадрат темно-синего неба, усеянного большими белыми звездами. Зубцы крепостной стены, доходящей до окна, еле видимой темной полосой вырисовывались на фоне темно-синего неба, а дальше бойницы и амбразуры как бы растворялись в нем. Крепость губернатора стояла вне стен города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок, шевелящий на стенах гобелены, доносил с улиц Пешкаури слабые отзвуки жизни — обрывки песен или тихий звон цитры.

Губернатор медленно прочел то, что написал, бесшумно шевеля губами, заслоняя ладонью глаза от света латунного светильника. Читая, он слышал топот конских копыт за сторожевой башней и резкое стаккато голоса стражника, спрашивавшего пароль. Занятый письмом, он не придал всему этому значения. Письмо было адресовано вазаму Вендии на королевском дворе в

Айодии, и после традиционных восхвалений в его адрес шло следующее:

«Пусть Вашей милости будет известно, что я точно выполнил приказ Вашей милости. Тех семерых горцев запер в хорошо охраняемой тюрьме и непрестанно шлю чести в горы, и теперь жду, что их вождь лично прибудет для переговоров об их освобождении. Но он до сих пор не предпринял никаких шагов, за исключением распространения слухов, что, если их не выпустят, он сожжет Пешкаури, и — прошу прощения, Ваша милость, — покроет свое седло моей кожей. Он способен предпринять такую попытку, поэтому я утроил стражу на стенах. Этот человек не гулистанского происхождения. Я не могу предсказать, что он предпримет. Но поскольку все же это приказ Дэви...

Губернатор сорвался с кресла и в мгновение ока оказался у сводчатых дверей. Он схватился за кривой меч, лежавший в изукрашенных ножнах на столе, воздел его в приветствии и застыл.

Особа, которая так неожиданно вошла, была женщиной. Ее муслиновые одеяния не могли скрыть дорогих украшений, равно как и гибкости стройного молодого тела. К волнистым волосам, опоясанным тройной косичкой и украшенным золотым полумесяцем, была приколата прозрачная вуалька, опадающая ниже груди. Черные глаза смотрели сквозь вуаль на ошеломленного губернатора, а белая ладонь решительным жестом приоткрыла лицо.

— Дэви!

Губернатор преклонил колени, но удивление и замешательство испортили эффект этого торжественного жеста. Движением руки она приказала ему встать. Он поспешно проводил ее к креслу из слоновой кости, все время оставаясь в глубоком почтительном поклоне. Однако его первыми словами были слова упрека:

— Ваше величество! Это в высшей степени безрассудно! На границе неспокойно. Постоянные нападения с гор. Ваше величество, надеюсь, прибыли с достаточно большой свитой?

— Большой кортеж меня сопровождал до Пешкаури, — ответила она. — Там я оставила своих людей и поехала в крепость со своей придворной дамой по имени Гитара.

Чандер Шан охнул от страха.

— Дэви! Вы не осознаете опасности. В часе езды отсюда в горах полно варваров, которые грабят, убивают. Случалось, что на дороге между городом и крепостью похищали женщин и убивали мужчин. Пешкаури — это не южная провинция...

— Все же я здесь, цела и невредима, — нетерпеливо прервала его Дэви.

— Я показала мой перстень с печатью стражнику у башни и тому, кто стоит перед твоими дверьми. Они разрешили мне войти без доклада, не зная, кто я, но подозревая, что я — тайный курьер из Айодии. Не будем терять времени. Есть у тебя какие-либо известия от вождя варваров?

— Никаких, кроме угроз и проклятий, Дэви. Он осторожен и подозрителен. Он считает, что это ловушка, и, пожалуй, его трудно за это винить. Кшатрии не всегда сдерживали свои обещания, которые давали людям с гор.

— Он должен принять мои условия! — прервала его Жасмина, сжимая кулаки так, что побелели пальцы.

— Не понимаю, — губернатор покачал головой. — Когда мне удалось поймать этих семерых горцев, я сообщил, как положено, об их поимке вазаму. И тогда, прежде чем я успел их повесить, мне пришел приказ не торопиться и договориться с их вождем. Так я и сделал, но он, как я уже говорил, не торопится. Эти люди принадлежат к племени афгулов, но их вождь прибыл с запада, и зовут его Конан. Я передал ему, что завтра на рассвете повешу их, если он не придет.

— Прекрасно! — выкрикнула Дэви. — Ты хорошо поступил. Я отвечу тебе, почему я отдала такой приказ. Мой брат... — проговорила она сдавленным, прерывающимся голосом. Губернатор наклонил голову, по традиции почтив тем самым память умершего короля, — король Вендии пал жертвой колдовства. Я поклялась посвятить свою жизнь мести убийцам. Умирая, брат навел меня на след, которым нужно идти. Я прочла Книгу Скелоса и говорила с безымянными отшельниками в пещерах под Йхелай. И я узнала, как и кто его уничтожил. Его врагами были Черные Прорицатели с горы Йимша.

— Асура! — побледнев, прошептал Чандер Шан.

Ее глаза пронзили его насквозь.

— Ты их боишься?

— Кто же их не боится, Ваше величество? — ответил он. — Это черные демоны, живущие в безлюдных горах за перевалом Зхабар. Но предания утверждают, что они редко вмешиваются в дела простых смертных.

— Не знаю, почему они убили моего брата, — сказала она. — Но я поклялась на алтаре Асуры, что уничтожу их! Мне сейчас нужна помощь горцев. Без них кшатрийская армия не пройдет на Йимшу.

— Да, — буркнул Чандер Шан. — Чистая правда. Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли, а волосатые горцы сбрасывали бы на нас бульжники с каждого пригорка и рвали бы нам глотки в каждой долине. Когда-то туранцы прорвались через Химелианские горы, но сколько их вернулось в Хурусун? Лишь немногие из тех, кто ушел от кшатрийского меча, когда король, твой брат, разбил их конницу над рекой Йумда, вновь увидели Секундерам.

— Поэтому мне необходимо подчинить приграничные племена, — сказала Дэви. — Люди, знающие дорогу на Йимшу...

— Но они боятся Черных Прорицателей и обходят стороной проклятую гору, — прервал ее губернатор.

— А их вождь, Конан, тоже боится Прорицателей? — спросила она.

— Ну, если говорить о нем, — сказал губернатор, — то я сомневаюсь, существует ли что-либо, чего бы боялся этот дьявол во плоти.

— Мне тоже так говорили. Значит, это именно тот человек, который мне нужен. Он жаждет

освободить семерых своих людей? Прекрасно! Платой за их свободу будут головы Черных Прорицателей!

Последние слова она произнесла голосом, полным ненависти. Ее руки инстинктивно сжались в кулаки. Стоя с гордо поднятой головой и бурно вздымающейся грудью, она казалась воплощением ярости.

Губернатор вновь преклонил колени, зная по своему многолетнему опыту, что женщина, которой владеет такая буря чувств, так же опасна для окружающих, как разъяренная кобра.

— Будет так, как Ваше величество пожелает, — сказал он, а когда Дэви слегка остыла, он встал и попробовал остеречь ее:

— Не могу предвидеть, что сделает Конан. Горцы всегда были беспокойны, а у меня есть основания верить, что эмиссары туранцев подбивают их нападать на наши земли. Как Ваше величество знает, туранцы обосновались в Секундераме и других северных городах, хотя горские племена остались непобежденными. Король Ездигерд издавна с жадностью поглядывает на юг и, возможно, собирается благодаря измене достичь того, чего ему не удалось заполучить силой. Мне пришло в голову, что Конан вполне может быть одним из его шпионов.

— Увидим, — ответила Дэви. — Если он любит своих людей, то появится на рассвете у ворот, чтобы вести переговоры. Я проведу эту ночь в крепости. В Пешкаури я приехала переодевшись, а свою свиту устроила на постоялом дворе, не во дворце. Кроме них только ты знаешь о моем прибытии.

— Я провожу Ваше величество в покои, — сказал губернатор.

Когда они вышли в коридор, он кивнул стоящему перед дверью стражнику, и тот, обнажив оружие, двинулся за ними. Перед комнатой их ждала придворная дама, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо пошли широким извилистым коридором, освещенным коптящим пламенем факелов. Вскоре они подошли к помещениям, предназначенным для знатных гостей — в основном для генералов и вице-королей, потому что доселе никто из королевской семьи не почтил крепости своим присутствием. Чандер Шана все время мучила мысль, что это помещение не совсем подходит для такой высокопоставленной особы, как Дэви. Хотя Дэви старалась, чтобы он чувствовал себя свободно в ее присутствии, губернатор все же почувствовал облегчение, когда она его отпустила. Низко кланяясь, он вышел. Затем губернатор созвал всех слуг, которые были в крепости, чтобы они позаботились о Ее величестве, — хотя он не сказал, кто такая эта гостья, — и поставил перед ее дверью отряд копьеносцев, среди которых был и воин, который ранее охранял дверь в его собственную комнату. Чересчур занятый всем этим, губернатор забыл поставить другого на его пост.

После ухода губернатора прошло немного времени, когда Жасмина вдруг вспомнила еще кое-что, что она хотела с ним обсудить. Ее интересовал человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, который перед прибытием ко двору Айодии некоторое время жил в Пешкаури. Смутные подозрения относительно этого человека подкреплялись его присутствием теперь в Пешкаури. Жасмине подумалось, не следил ли за ней Керим Шах от самой Айодии. Поскольку она была непредсказуемой Дэви, она не стала вызывать губернатора к себе, а вышла в коридор и направилась к его кабинету.

Чандер Шан тем временем, вернувшись в кабинет, открыл дверь и подошел к столу. Он взял свое письмо к вазаму и порвал на клочки. Тут же он услышал тихий шорох на парапете за окном. Подняв глаза, губернатор увидел смутный силуэт на фоне звездного неба. В комнату ловко спрыгнул какой-то человек. В свете светильника блеснуло длинное стальное лезвие.

— Шшшш! — предупредил он. — Не вздумай шуметь, или Дьявол получит нового работничка!

Губернатор опустил руку, потянувшуюся было к лежащему на столе мечу. Он находился в пределах досягаемости зхабарского ножа длиной в ярд, блестящего в руке пришельца, и ему была хорошо известна невероятная быстрота горцев.

Пришелец был высоким мужчиной, могучим и все же гибким и ловким, словно барс. На нем была одежда горцев, но суровые черты его лица и горящие синие глаза не гармонировали с одеждой. Чандер Шан таких раньше не видел. Чужак наверняка не принадлежал ни к одной из восточных рас — скорее всего, он был варваром с далекого запада. Однако его манера вести себя выдавала в нем натуру дикую и необузданную, такую же, как у длинноволосых горцев, живущих на возвышенностях Гулистана.

— Ты бродишь по ночам, как вор, — заметил губернатор, обретя понемногу уверенность в себе, хотя не забывал, что в пределах слышимости нет ни одного стражника. Но горец об этом знать не мог.

— Я взобрался на стену крепости, — рявкнул чужак. — Страж как раз кстати выставил голову над зубцами стены. Ну, я его и стукнул рукояткой ножа.

— А, так ты Конан?

— Кто же еще? Ты послал весть, что жаждешь переговоров со мной. Вот я и прибыл, клянусь Кромом! Держись подальше от стола, не то я выпущу тебе кишки!

— Я только хотел сесть, — ответил губернатор, опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола.

Конан непрерывно кружил по комнате, подозрительно поглядывая на дверь и пробуя пальцем отточенное, как бритва, острие своего трехфутового ножа. Повадки у него были не такие, как у афгулов, и он говорил напрямик там, где на востоке принято изъясняться недомолвками.

— У тебя семеро моих людей. Ты отказался принять предложенный мной выкуп. Чего же ты, черт побери, хочешь?

— Поговорим об условиях, — осторожно ответил губернатор.

— Условиях? — в голосе пришельца появилась нотка опасного раздражения. — Что ты хочешь этим сказать? Разве я не предложил тебе золото?

Чандер Шан рассмеялся.

— Золото? В Пешкаури столько золота, сколько ты и не видел.

— Ты лжешь, — отпарировал Конан. — Я видел много золота у кузнецов, работающих с золотом в Хурусуне.

— Ну, больше, чем видел кто-либо из афгулов, — поправился Чандер Шан.

— А это только капля в море богатств Вендии. Так зачем нам твое золото? Для нас будет больше пользы, если мы повесим этих бандитов.

Конан ядовито выругался. Длинное лезвие дрогнуло в его бронзовокожей руке, когда мускулы вздулись буграми.

— Я расколю твой череп, как спелую дыню!

Дикий синий огонь пылал в глазах горца. Но Чандер Шан пожал плечами, хотя при этом не сводил глаз с острой стали.

— Ты, конечно, запросто можешь убить меня. Может быть, тебе потом даже удастся бежать через стену. Но это не спасет семерых пленников. Мои люди наверняка их повесят. А эти семеро — вожди афгулов.

— Знаю, — рявкнул Конан. — Племя воет у моих ног, как стая волков, потому что я никак не могу освободить их. Скажи мне без уверток, чего ты хочешь, потому что — клянусь Кромом! — если не будет другого выхода, я подниму орду и приведу ее к самым воротам Пешкаури!

Глядя на человека, стоящего перед ним со сверкающими глазами и ножом в руке, Чандер Шан не усомнился в том, что он на это способен. Губернатор не верил, что какая бы то ни было орда горцев способна взять Пешкаури, но он не хотел, чтобы они разорили все вокруг.

— Есть одно поручение, которое ты должен будешь исполнить, — сказал он, подбирая слова столь осторожно, будто это были бритвы. — Надо...

Губы Конана искривились в волчьей гримасе, он отпрыгнул назад и повернулся лицом к двери. Острым слухом он уловил тихий шорох приближающихся шагов. В ту же минуту дверь внезапно распахнулась, и в комнату вошла стройная женщина в шелках. Она прикрыла за собой дверь и замерла, увидев горца.

Чандер Шан вскочил на ноги. Сердце его подпрыгнуло к горлу.

— Дэви! — невольно вскричал он, на мгновение потеряв голову от страха.

— Дэви?!! — сорвалось с губ горца словно эхо-взрыв. Чандер Шан увидел в свирепых синих глазах узнавание и внезапный блеск.

Губернатор отчаянно закричал и схватился за меч, но горец двигался с убийственной быстротой урагана. Он бросился на губернатора и ударом рукояти ножа по голове свалил его на пол. Потом он сгреб мускулистой рукой онемевшую Жасмину и прыгнул к окну. Чандер Шан, отчаянно пробуя подняться, на мгновение увидел его на фоне неба, увидел трепетание тканей и белизну тела пленницы-королевы, и услышал свирепый возбужденный вопль варвара:

— А вот теперь попробуй повесить моих людей!

Конан спрыгнул на парапет и исчез. Дикий крик донесся до слуха губернатора.

— Стража! Стража! — закричал он.

Потом встал и, шатаясь, подошел к двери. Он открыл ее и вывалился в коридор. Эхо разносило его крики по коридорам, созывая солдат, которые вытаращили глаза при виде губернатора, державшегося за разбитую, окровавленную голову.

— Солдаты, на коней! — ревел он. — Похищение!

Несмотря на ужа положения, у него хватило ума не выдавать всей правды. Он стоял, словно окаменев, слыша стук копыт за окном, отчаянные крики девушки и победные выкрики варвара.

Потом он помчался вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники. Во дворе крепости у оседланных коней всегда располагался отряд конников, готовых каждую минуту ринуться в погоню. Чандер Шан лично возглавил эскадрон в погоне за похитителем, хотя голова у него кружилась так сильно, что ему пришлось обеими руками держаться за луку седла. Он не выдал, кто такая похищенная женщина, сказал только, что дворянку, которая привезла королевское кольцо, похитил вождь афгулов. Хотя злодей быстро скрылся из глаз, увозя свою жертву, они знали, куда он поедет. Конечно же, по дороге, ведущей прямо к перевалу Зхабар. Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на хижины крестьян. Черные контуры крепостных бастионов и башен Пешкаури остались у всадников за спиной. Впереди высились черные стены Химелианских гор.

3. ХЕМСА ПРИБЕГАЕТ К МАГИИ

В замешательстве, которое воцарилось в крепости, когда подняли тревогу, никто не заметил, что сопровождавшая Дэви девушка выскользнула через большие ворота и исчезла во тьме. Она побежала напрямик в город, подобрав полы одежды. Она бежала не по дороге, а напрямик через поля и овраги, огибая изгороди и перепрыгивая через канавы так уверенно, как будто был белый день, и так легко, как будто она была мужчиной-бегуном. Стук копыт погони затих вдали на дороге прежде, чем девушка добралась до городской стены. Она не пошла к главным воротам, около которых стражники, опершись на копья, вытягивали шеи и всматривались в темноту, обсуждая непонятное оживление вокруг крепости. Девушка двигалась вдоль стены, пока не достигла места, где над стеной виднелась верхушка башни. Она остановилась, прижала руки ко рту и издала негромкий, странный, и даже жутковатый звук.

Почти сразу же из амбразуры высунулась чья-то голова, и вдоль стены спустилась длинная веревка. Девушка схватилась за нее, вставила ногу в петлю на конце веревки и помахала рукой. Ее быстро и плавно втащили на отвесную каменную стену. Уже через минуту она взобралась на зубцы и встала на плоской крыше дома, прилегающего к крепостной стене Пешкаури. У открытых ставень мужчина в одежде из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, не выказывая никаких признаков усталости после того, как втащил взрослую женщину на сорокафутовую стену.

— Где Керим Шах? — выдохнула она, тяжело дыша после бега.

— Спит внизу, в доме. Какие-нибудь новости?

— Конан украл Дэви из крепости и увез в горы! — Она выпалила все это на одном дыхании, второпях коверкая слова.

Хемса не проявил никаких чувств, только кивнул головой в тюрбане.

— Керим Шах будет рад услышать это, — сказал он.

— Погоди!

Девушка обвила тонкими руками его шею. Она тяжело дышала, и не только от бега. Ее глаза сверкали в звездном свете, как черные драгоценные камни. Обращенное кверху лицо приблизилось к лицу Хемсы. Он не противился объятию, но не обнял ее в ответ.

— Не говори ничего гирканцу! — выдохнула она. — Давай сами используем эти сведения! Губернатор ускакал в горы со своими людьми, но с тем же успехом они могли бы гоняться за призраком. Он никому не сказал, что похищенная — это Дэви. Никто в Пешкаури или в крепости этого не знает, кроме нас.

— Но что нам это даст? — возразил мужчина. — Мои хозяева послали меня с Керим Шахом, чтобы я помогал ему во всем...

— Помоги себе самому! — яростно крикнула она. — Сбрось ярмо!

— Ты хочешь сказать... Ослушаться моих хозяев? — задохнулся он, и она почувствовала, как тело его под ее руками стало ледяным.

— Да, да! — вне себя от чувств, она встряхнула его. — Ты тоже колдун! Почему ты должен быть рабом, использовать свои силы только для возвышения других? Воспользуйся своим искусством для себя самого!

— Это запрещено! — Он трясся, словно в лихорадке. — Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по велению хозяев я смею использовать знание, которое они дали мне.

— Но ты ведь можешь его использовать! — страстно убеждала его девушка. — Сделай так, как я молю тебя! Несомненно, Конан забрал Дэви как заложницу, чтобы обменять на семерых вождей. Убей их, чтобы Чандер Шан не мог использовать их для выкупа Дэви. Потом подадимся

в горы и отнимем ее у афгулов. Их ножи не помогут против твоего колдовства. Мы возьмем выкуп, сокровища вендийских королей будут наши, а когда их получим — обманем кшатриев и продадим Дэви королю Турана. Мы станем богаче, чем сами можем представить! Будем в состоянии заплатить наемникам. Займем Корбул, выйдем туранцев с гор и пошлем наши войска на юг. Мы будем властителями империи!

Хемса тоже начал тяжело дышать, дрожа как лист в ее объятиях. Крупные капли пота стекали по его побледневшему лицу.

— Люблю тебя! — страстно крикнула она, извиваясь в ее объятиях, крепко прижимаясь к нему и внезапно его встряхивая. — Сделаю тебя королем! Из любви к тебе я изменила своей госпоже, из любви ко мне измени своим хозяевам! К чему бояться Черных Прорицателей? Полюбив меня, ты уже нарушил один из их запретов. Нарушь и остальные! Ты так же могуществен, как они!

Даже человек из льда не выдержал бы огня страсти и ярости, веющей от ее слов. С нечленораздельным возгласом Хемса прижал к себе девушку, запрокинул ей голову и осыпал градом поцелуев.

— Я сделаю это! — сказал он охрипшим от страсти голосом, шатаясь, как пьяный. — Сила, которой наделили меня хозяева, будет служить не им, а мне! Мы завладеем миром! Миром...

— Ну идем же! — Осторожно вызволившись из его объятий, она взяла его за руку и повлекла к люку в крыше. — Мы должны быть уверены, что губернатор не обменяет этих семерых афгулов на Дэви.

Хемса пошел за ней как в трансе. Они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. Керим Шах неподвижно лежал на ложе, прикрывая лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы. Девушка схватила Хемсу за руку и быстрым жестом провела ребром своей ладони по шее. Хемса поднял было руку, но потом, изменившись в лице, покачал головой:

— Я ел его соль, — шепнул он. — Кроме того, он нам вряд ли помешает.

Они с девушкой вышли через дверь, ведущую на узкую кругую лестницу. Когда их осторожные шаги затихли, Керим Шах поднялся с ложа и вытер пот со лба. Он не боялся удара ножа, но Хемсы боялся, как ядовитого гада.

— Люди, устраивающие на крышах заговоры, должны помнить о том, чтобы говорить тише, — шепнул он себе. — Хемса восстал против своих хозяев, а ведь только через него я мог с ними общаться, значит, на их помощь теперь нечего рассчитывать. Отныне действую на свой страх и риск.

Он встал, быстро подошел к столу, достал из-за пояса перо и пергамент и начертал несколько коротких предложений:

«Хосра Хану, губернатору Секундерама. Киммериец Конан похитил Дэви Жасмину и отправился в деревни афгулов. Вот возможность схватить Дэви, к чему так давно стремится наш король. Не медля ни минуты, вышли три тысячи всадников. Я буду ждать их в долине Гураша с местными проводниками.»

И он подписался именем, которое ничуть не напоминало имя Керим Шах.

Затем он достал из золотой клетки голубя и тоненькой ниткой прикрепил к его ноге свернутый в трубочку пергамент. Керим Шах быстро подошел к окну и выпустил птицу в ночь. Голубь затрепыхался, обрел равновесие и быстрой тенью исчез в темноте. Схватив плащ, шлем и меч, Керим Шах выскочил из комнаты и сбежал вниз по крутой лестнице.

Здание тюрьмы в Пешкаури находилось за массивной стеной. В не были только одни ворота, оббитые железом и расположенные в полукруглом портале. В светильнике над порталом горели

смоляные щепки, а возле двери на корточках сидел стражник со щитом и копьем, опираясь головой на древко своего оружия и время от времени позевывая. Вдруг стражник вскочил на ноги. Он дал бы голову на отсечение, что не сомкнул глаз, и все же перед ним стоял человек, появления которого он не заметил. На мужчине было одеяние из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. В отблесках мигающего света факела на его лице горели странно сверкающие глаза.

— Кто идет? — спросил стражник, выставив перед собой копье. — Ты кто такой?

Пришелец не выказывал смятения, хотя острие копья касалось его груди. С необычайным вниманием он вглядывался в лицо стражника.

— Что ты должен делать? — неожиданно и странно спросил он.

— Охранять ворота!

Стражник говорил глухо, механически. Он стоял неподвижно, как статуя, только глаза его блестели.

— Ты лжешь! Ты должен повиноваться мне! Ты глянул мне в глаза, и твоя душа тебе больше не принадлежит. Открой дверь!

Словно каменный, с застывшей на лице удивленной гримасой, стражник повернулся, вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и распахнул ворота. Потом он встал поодаль, глядя перед собой невидящим взором.

Из тени выскользнула женщина и положила руку на плечо гипнотизера.

— Пусть он приведет нам коней, Хемса, — шепнула она.

— Нет необходимости, — ответил ракша. Чуть повысив голос, он обратился к стражнику. — Ты мне больше не нужен. Убей себя!

Словно в трансе стражник опер копье о землю у стены и прислонил острый наконечник к своему животу пониже ребер. Медленно, флегматично он налег на него всей тяжестью тела, так что острие прошило его тело навывлет и вышло между лопатками. Он соскользнул по древку и лег мертвым. Древко копья торчало из его спины на всю длину, словно выросшее из мертвеца какое-то жуткое растение.

Девушка глядела на все это с мрачным восторгом, пока Хемса на схватил ее за руку и не повлек за собой. Факелы освещали узкое пространство между стенами — внутренней и внешней. Внутренняя была ниже, в ней было много несимметрично расположенных дверей. Охраняющий это пространство солдат медленным шагом подошел к открывающимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности и ничего не подозревая, пока из темноты перед ним не появился Хемса с девушкой. А тогда уже было слишком поздно. Ракша не тратил времени на гипноз, хотя его действия и без того показались девушке магией. Стражник грозно замахнулся копьем и уже открыл было рот, чтобы закричать, после чего сюда сбежался бы целый отряд стражников из караульной, но Хемса левой рукой отбил древко, как соломинку, в сторону, а его правая рука описала короткую дугу, словно мимоходом коснувшись шеи солдата. Стражник рухнул с переломанной шеей на каменную мостовую, не издав даже крика.

Хемса больше не обращал на него внимания. Он направился напрямик к одной из дверей и прислонил раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Дверь поддалась с ужасным треском. Идя следом за Хемсой, девушка увидела, что по толстому тиковому дереву двери пошли трещины, бронзовые засовы были погнуты и вырваны из гнезд. Даже сорок воинов с тысячефунтовым тараном не могли бы нанести двери большего разрушения. Опьяненный свободой, Хемса играл своей чудесной силой, радуясь ей и тешась, как молодой исполин с избытком темперамента использует силу своих мускулов в рискованных выходах.

Выломанная дверь вела в маленький дворик, освещенный светом факелов. Напротив двери они увидели толстую решетку из железных прутьев. За решетку схватилась волосатая рука, а в темноте за ней блестели белки глаз.

Хемса некоторое время стоял молча, вглядываясь в темноту, откуда ему отвечали пристальным взглядом горящие глаза. Потом он сунул руку за пазуху и высыпал на каменную мостовую горсть сверкающей пыли. Вспыхнул зеленый огонь, осветив дворик. Вспышка высветила фигуры семерых людей, неподвижно стоящих за решеткой, явственно обрисовав каждую деталь. Это были высокие длинноволосые люди в лохмотьях одежд горцев. Они молчали, но в глазах их сверкал страх смерти, и волосатые пальцы сжимали прутья решетки.

Огонь погас, но блеск остался, дрожащий блеск зеленого шара, пульсирующего и трепещущего на камнях у ног Хемсы. Узники не могли оторвать от него взгляда. Шар постепенно вытянулся, превратился в спираль из ярко светящегося зеленоватого дыма, который изгибался и скручивался как огромная змея, свивая и развивая блестящие кольца. Эта лента вдруг превратилась в облако, которое медленно двинулось по мостовой прямо к клетке. Узники смотрели на него широко открытыми от ужаса глазами, дрожь отчаянно сжавшихся на прутьях пальцев передалась клетке. С раскрытых губ горцев не слетело ни единого звука. Зеленое облачно доползло до решетки и скрыло ее от глаз девушки. Как туман, оно проникло сквозь прутья и окутало горцев. Из густых клубов раздался сдавленный стон, словно кто-то погружался под воду.

Хемса дотронулся до плеча девушки, смотревшей на все это широко раскрытыми от удивления глазами. Она обернулась и машинально пошла за ним, продолжая оглядываться через плечо. Мгла стала рассеиваться. Прямо возле решетки было видно пару обутых в сандалии ног, торчащих вверх, а также неясные очертания семи неподвижно лежащих в беспорядке тел.

— А сейчас оседлаем скакуна, который быстрее любой из лошадей, когда-либо возвращенной в конюшнях смертных, — сказал Хемса. — Мы будем в Афгулистане еще до рассвета.

4. ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Жасмина Дэви не запомнила детали своего похищения. Неожиданность и натиск ошеломили ее. У нее осталось только смутное впечатление урагана событий — ужасная хватка могучей руки; горящие глаза похитителя; его горячее дыхание, обжигающее ей кожу. Прыжок через окно на парапет, безумный бег по стене, когда Жасмина онемела от страха высоты, спуск сломя голову по привязанной к зубцу стены веревке — похититель молниеносно соскользнул вниз, держа парализованную ужасом пленницу на плече. Все это смешалось в памяти Дэви, слилось в пеструю круговерть. Гораздо отчетливее она помнила своего похитителя, когда он мчался к деревьям, неся ее легко, как ребенка, а затем вскочил в седло свирепого балкханского скакуна, который ржал и фыркал. Затем было чувство полета, и копыта скакуна высекали искры из каменистой дороги, когда он нес их вверх по склону.

Когда она вновь обрела ясность мысли, первым ее чувством была бешеная ярость и стыд. Она была в отчаянии. Правители золотых королевств на юг от Химелианских гор почитались всеми почти как боги, а она ведь была Дэви Вендии! Безудержный гнев взял верх над страхом. Она дико крикнула и стала вырываться. Она, Жасмина, переброшена через луку седла горского вождя, как обычная девка, купленная на торжище! Конан только обнял ее крепче, и Жасмина впервые в жизни подчинилась силе. Его руки железными объятиями охватили стан девушки. Конан взглянул на нее и широко улыбнулся. В свете звезд сверкнули белые зубы. Свободно отпущенные поводья лежали на развевающейся гриве жеребца, который мчался по усеянной валунами дороге, напрягая в последнем усилии все мускулы и сухожилия. Но Конан без труда удерживался в седле, почти не прилагая усилий. Он скакал, как кентавр.

— Горский пес! — выдохнула Жасмина, дрожа от стыда, ярости и сознания собственной беспомощности. — Ты смеешь... смеешь! Ты расплатишься за это своей жизнью! Куда ты меня везешь?

— В деревню афгулов, — ответил он, оглядываясь через плечо.

Вдали, за пригорками, которые они проехали, на стенах крепости мелькали огоньки факелов. Конан заметил также отблеск света, говорящий о том, что открыли главные ворота. Он громко засмеялся, и смех его звучал, как горный поток.

— Губернатор выслал в погоню за нами конников, — сказал он с насмешкой. — О Кром, прихватим их на маленькую конную прогулку! Как ты думаешь, Дэви, поменяют они семерых горцев на кшатрийскую принцессу?

— Скорее вышлют армию, чтобы повесить тебя вместе с твоим чертовым отродьем, — убежденно пообещала она.

Он радостно засмеялся и сильнее прижал ее к себе, усаживаясь поудобнее. Но Жасмина сочла это новым оскорблением и возобновила свою напрасную борьбу, пока не пришел к выводу, что ее попытки освободиться только смешат его. Кроме того, от возни ее воздушное, развевающееся на ветру шелковое платье было в ужасном беспорядке. Она решила, что лучше будет хранить надменное спокойствие, и погрузилась в гневное молчание.

Но гнев сменило удивление, когда они достигли перевала Зхабар, зияющего как черная пасть в еще более черных стенах, вздымающихся огромными валами, чтобы преградить им путь. Казалось, какой-то гигантский нож вырезал этот проход в сплошной стене. По обе стороны вознеслись на сотни футов крутые склоны, пряча отверстие прохода в кромешной тьме. Даже Конан не мог разглядеть в этой темноте ничего, но зная, что за ним погоня из крепости, и помня дорогу наизусть, он не придерживал коня. Огромный жеребец еще не выказывал признаков усталости. Словно молния, они промчались дорогой по дну долины, взобрались вверх по склону,

проскакали вдоль горного гребня, где по обе стороны предательские осыпи подстерегали неосторожного, и выбрались на тропу, которая вела вдоль левой стены ущелья.

В этой темноте даже Конан не мог заметить засаду, устроенную зхабарскими горцами. Они с Жасминой как раз проезжали возле темного проема одной из боковых балок, когда в воздухе просвистело копье и с глухим звуком вонзилось в круп мчащегося коня. Огромный жеребец споткнулся, пронзительно заржал и на всем скаку рухнул на землю. Но Конан, заметив летящее копье, отреагировал с быстротой молнии.

Он соскочил с падающего коня, держа девушку в объятиях, чтобы она не поранилась о камни. Конан приземлился на ноги, как кот на лапы, втолкнул пленницу в расщелину и обернулся, выхватив нож.

Жасмина, сбита с толку внезапностью событий, не понимая, что, собственно, произошло, увидела что-то темное, появившееся из темноты, услышала топот босых ног по скале и шорох одежды на ветру от быстрого движения. Она заметила блеск стали, короткий обмен ударами, потом в темноте раздался ужасный хруст, когда Конан разможил противнику голову.

Киммериец отпрыгнул и притаился под прикрытием скал. В темноте было слышно какое-то движение, и вдруг зычный голос заревел:

— В чем дело, псы? Хотите улизнуть? Вперед, будьте вы прокляты, и схватите их!

Конан вздрогнул, уставился в темноту и крикнул:

— Яр Афзал! Это ты?

Раздались удивленные голоса, затем кто-то осторожно спросил:

— Конан? Это ты, Конан?

— Да! — рассмеялся киммериец. — Иди сюда, старый боевой пес. Я прикончил одного из твоих людей.

Среди скал произошло движение. Слабо затеплился огонек, затем показался факел и стал двигаться в их сторону. По мере того, как он приближался, все яснее в темноте проступало бородатое лицо. Человек, держащий факел, поднял его повыше и вытянул шею, вглядываясь в каменный лабиринт. В другой руке он держал огромную кривую саблю. Конан вышел вперед, пряча свой нож, а незнакомец, завидев его, радостно рявкнул:

— Да, это Конан! Выходите из-за камней, псы! Это Конан!

В круге света появились и остальные: дикие, ободранные бородатые мужчины с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках. Жасмину они не заметили, потому что киммериец заслонял ее своим могучим телом. Выглядывая из-за этого укрытия, девушка впервые за всю ночь ощутила, что у нее по телу поползли от страха мурашки. Эти мужчины были похожи скорее на волков, чем на людей.

— На кого ты охотишься ночью, Яр Афзал? — спросил Конан здоровяка, который ухмыльнулся, как бородатый призрак.

— Кто знает, что может попасться в темноте? Мы, вазулы, ночные птицы. А как твои дела, Конан?

— У меня пленница, — ответил киммериец и, отодвинувшись в сторону, открыл съежившуюся Жасмину. Протянув длинную руку, он вытащил ее, дрожащую, из ущелья.

Жасмина потеряла свою прежнюю величавую осанку. С опаской поглядывая на бородатые лица людей, собравшихся вокруг, она чувствовала что-то вроде благодарности к человеку, который обнимал ее жестом властелина. Кто-то поднес поближе факел. Раздалось шумное сопение, потому что при виде девушки у горцев перехватило дух.

— Это моя пленница, — предостерег Конан, многозначительно поглядывая на лежащего здесь же за кругом света человека, которого он убил. — Я ехал с ней в Афгулистан, но вы убили моего коня, а за мной — кшатрийская погоня.

— Поехали с нами в деревню, — предложил Яр Афзал. — В ущелье спрятаны кони. В темноте нас никто не выследит. Говоришь, погоня недалеко?

— Так близко, что уже слышен стук копыт по камням, — угрюмо ответил Конан.

Вазулы не стали терять времени, тут же погасили факел, и оборванные фигуры утонули во мраке. Конан схватил Дэви на руки. Она не сопротивлялась. Острые камни ранили ее изнеженные ноги, на которых были только мягкие туфельки. Она чувствовала себя слабой и беззащитной в этой грубой, первобытной тьме, среди огромных горных вершин.

Почувствовав, что она дрожит под порывами холодного ветра из ущелий, Конан сорвал с плеча истрепанный плащ и завернул в него девушку. Одновременно он предостерегающе прошипел ей на ухо, чтобы она молчала. По правде говоря, она не слышала тихого стука копыт, который уловило чуткое ухо горца, но была слишком испугана, чтобы не подчиниться.

Она не видела ничего, кроме нескольких затуманенных звездочек высоко вверху, но по сгущающейся темноте поняла, что они очутились в тесной балке. Вокруг них происходило движение, это нервно шарахались кони. После короткого обмена мнениями Конан оседлал коня воина, которого убил, подняв девушку в седло перед собой. Тихо, как призраки, если не считать стука копыт, отряд выехал из ущелья. Мертвый конь и убитый горец остались на дороге позади. Полчаса спустя их нашли всадники из крепости. Они признали в убитом вазула и сделали соответствующие выводы.

Прижавшись к груди своего похитителя, Жасмина вопреки своему желанию начала дремать. Несмотря на неровность дороги, которая то поднималась в гору, то спускалась в низину, у езды верхом был определенный ритм, который в сочетании с усталостью и потрясением от избытка событий усыплял ее. Жасмина совсем потеряла ощущение времени и пути. Они ехали в полной темноте, в которой время от времени она замечала контуры скальных стен, возносящихся вверх, словно черные бастионы или огромные валы, почти достигающие звезд. Время от времени она ощущала пустоту зияющей внизу пропасти, и ее пробирали холодные дуновения ветра, веющего среди недостигаемых вершин. Постепенно все окутала мягкая сонная мгла, в которой и стук копыт, и скрип седел казались невнятными звуками сновидений.

Жасмина с трудом поняла, что кто-то снимает ее с коня и вносит по ступенькам. Потом ее положили на что-то мягкое и шелестящее, подложили под голову что-то похожее на свернутый плащ, и заботливо накрыли плащом, в который перед этим ее заворачивал Конан. Она услышала смех Яр Афзала.

— Это редкая добыча, Конан. Женщина, достойная вождя афгулов.

— Мне она ни к чему, — проворчал Конан в ответ. — За эту девку я куплю жизни моих семерых вождей, черт бы их побрал!

Это было последнее, что она слышала перед тем, как погрузиться в сон без сновидений.

Она спала, а вооруженные всадники тем временем прочесывали погруженные во тьму горы и решали судьбы королевства. Этой ночью мрачные ущелья и овраги наполнились звоном подков мчащихся коней, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях, а неведомые духи вершин выглядывали из-за скал, не понимая, что происходит.

Отряд таких призрачных фигур на исхудавших конях притаился в непроглядной тьме оврага, ожидая, пока вдали стихнет топот копыт. Их предводитель, хорошо сложенный мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, предостерегающе поднял вверх ладонь и держал ее так, пока всадники не проехали мимо. Потом он тихо засмеялся.

— Наверное, они потеряли след! Или обнаружили, что Конан уже добрался до одной из афгульских деревень. Понадобится много всадников, что выкурить эту лису из норы. На рассвете через Зхабар пойдут конные отряды.

— Если в горах будет сражение, будет и добыча, — пробормотал кто-то позади него на наречии иракзаев.

— Добыча будет, — ответил человек в шлеме. — Но сперва мы должны добраться в долину Гураша и дожидаться всадников, которые будут скакать на юг со стороны Секундерама до рассвета.

Он взялся за поводья и выехал из ущелья, а его люди следовали за ним

— тридцать оборванных призраков в свете звезд.

5. ЧЕРНЫЙ СКАКУН

Солнце уже давно встало, когда Жасмина проснулась. Она не стала удивленно оглядываться, пытаясь сообразить, где находится. Жасмина проснулась, отчетливо помня все, что произошло. Ее стройное тело все еще болело от долгой езды верхом, и она до сих пор чувствовала прикосновение сильных рук мужчины, который увез ее так далеко.

Она лежала на овечьей шкуре, прикрывающей ложе из листьев, брошенных на хорошо утопанный глиняный пол. Под головой у не был свернутый тулуп, а одеялом служил потрепанный плащ. Она находилась в огромном помещении с неровными, но толстыми стенами из неотесанных валунов, скрепленных между собой высушенной на солнце болотной грязью. Могучие балки поддерживали такой же крепкий потолок, в котором она заметила прикрытый крышкой лаз. В

толстых стенах не было окон, только узкие бойницы. Была также и дверь — огромная плита из бронзы, несомненно украденная с какой-нибудь вендианской сторожевой башни. Напротив двери виднелся широкий грот, отделенный от комнаты крепкой деревянной решеткой. За ним Жасмина увидела прекрасного черного скакуна, жующего сено. Дом служил одновременно крепостью, жильем и конюшней.

В другом конце комнаты девушка в кафтане и мешковатых горских штанишках сидела на корточках у небольшого костра, жаря полоски мяса на железной решетке, лежащей на камнях по обе стороны костра. Над костром в потолке находилось закопченное отверстие, через которое выходила часть дыма. Остальной дым голубоватыми прядями расползлся по комнате.

Горянка через плечо бросила взгляд на Жасмину, показывая лицо со смелыми, красивыми чертами, потом вернулась к своему занятию. Снаружи слышались мужские голоса, и через минуту в дом вошел Конан, отворив дверь ударом ноги. Утренний свет осветил его могучую фигуру, и Жасмина заметила еще несколько деталей, которые она не могла заметить ночью. Его одежда была чистой и неизношенной. Широкого бахарийского пояса, за которым торчал кинжал в богато украшенных ножнах, не постыдился бы и князь, а сквозь расстегнутую рубашку виднелась сталь туранской кольчуги.

— Твоя пленница проснулась, Конан, — сказала вазулка.

Киммериец что-то буркнул под нос, подошел к огню и сгреб полоски баранины на каменную тарелку. Сидевшая на корточках у огня горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, но что он ощерил зубы и, зацепив ногой, опрокинул девушку на землю. Походе, что эти незамысловатые шутки доставляли вазулке удовольствие, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав откуда-то огромную краюху хлеба и медный жбан с вином, отнес все Жасмине, которая поднялась на ложе, с изумлением глядя на него.

— Это не очень подходящий харч для Дэви, моя милая, но лучшего у нас нет, — буркнул он. — По крайней мере, это наполнит твой желудок.

Он поставил миску на землю, и вдруг Дэви ощутила, что страшно голодна. Без лишних слов она скрестив ноги уселась на полу и, поставив миску себе на колени, начала есть пальцами, которые отныне должны были заменить ей столовые приборы. Между прочим, способность приспосабливаться

— одна из черт настоящего аристократа. Конан стоял, заложив руки за пояс, глядел на нее сверху вниз. Он никогда не сидел по-восточному, скрестив ноги.

— Где я? — вдруг спросила она.

— В доме Яр Афзала, вождя Курум Вазулов, — ответил он. — Афгулистан лежит в добрых двух милях на запад отсюда. Мы останемся здесь на какое-то время. Кшатрии прочесывают горы,

ищут тебя. Горцы уже вырезали пару отрядов.

— Что ты намерен делать?

— Задержаться здесь, пока Чандер Шан не согласится выпустить моих конокрадов, — объяснил он. — Женщины вазулов выжимают чернила из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать губернатору письмо.

Жасмину охватил внезапный прилив гнева, когда она подумала о злом капризе судьбы, сделавшем так, что ее планы превратились в ничто и она стала узницей именно того человека, которого хотела сделать исполнителем своих планов и козней. Она отшвырнула миску с остатками еды и вскочила на ноги, стиснув зубы от злости.

— Никакого письма писать не буду! Если ты не отвезешь меня назад, они повесят семерых твоих людей и еще тысячу!

Вазулка подавилась смехом, а Конан грозно нахмурил брови, и тогда открылась дверь и вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был такого же роста, как и Конан, крепкого телосложения, но рядом с мускулистым киммерийцем выглядел увальнем. Он погладил рыжую бороду и многозначительно посмотрел на горянку, которая тут же встала и вышла из дома. Яр Афзал повернулся к приятелю.

— Эти проклятые все ропщут, Конан, — сказал он. — Хотят, чтоб я тебя убил, а за девушку взял выкуп. Говорят, что она благородная, это видно по ее одежде. Спрашивают, почему афгульские псы должны все получить, если это мы рискуем, пряча ее в своей деревне?

— Одолжи мне коня, — ответил Конан. — Я заберу ее, и мы уедем.

Яр Афзал фыркнул:

— Ты думаешь, я не смогу добиться от моих людей послушания? Я приказываю им танцевать в одних рубашках, когда они меня злят. Они не любят тебя, это правда, — так же как и прочих чужеземцев, но я-то прекрасно помню, что ты когда-то спас мне жизнь. Пошли к ним, Конан, только что вернулся разведчик.

Конан подтянул пояс и вышел с вождем на улицу. Они закрыли за собой дверь. Жасмина выглянула через бойницу. Она увидела открытое пространство, потом ряд хижин из камня и болотной тины, голых детей, играющих среди валунов, и высоких стройных горянок, занятых своими делами.

Тут же, у дома вождя, увидела заросших, ободранных мужчин, сидевших на земле полукругом, лицом к двери. В нескольких футах от них стояли Конан с Яр Афзалом, слушая мужчину, сидевшего со скрещенными ногами. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском диалекте, который Жасмина понимала с трудом, хотя частью ее образования было изучение языков Иранистана и родственных гулистанских диалектов.

— Я говорил с дагозанцем, который прошлой ночью видел огромный конный отряд, — говорил разведчик. — Он сидел ночью в засаде около того места, где вождь Конан наткнулся на нашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники. Был среди них и Чандер Шан. Они нашли убитого коня, и один из солдат узнал в нем коня Конана. Они нашли также труп вазульского воина. Пришли к выводу, что вазулы убили Конана и похитили девушку, поэтому отряд решил прекратить погоню в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни этот мертвый воин, а мы не оставили следов, которыми могли бы воспользоваться кшатрии. Потом они поехали к ближней деревне вазулов, к Югре, сожгли ее и убили много людей. Но воины Коюра напали на них, нанесли им большие потери и ранили губернатора. Оставшиеся кшатрии улизнули под покровом ночи в долину Зхабар, но еще до восхода солнца вернулись с подкреплением, и с утра в горах идут стычки. Говорят, что вендийцы собирают большую армию, чтобы очистить горы вокруг Зхабара. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гураша. Кроме того, Керим Шах повернул в горы.

Вокруг раздались тихие восклицания, и Жасмина плотнее прикинула к отверстию, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

— Куда он направился? — спросил Яр Афзал.

— Дагозанец не знал. С ним тридцать иракзаев из равнинных деревень. Они где-то в горах.

— Иракзаи — это шакалы, собирающие остатки из львиной пасти, — заворчал Яр Афзал. — Бросаются на деньги, которые Керим Шах горстями разбрасывает среди приграничных племен, покупая людей, как коней. Не люблю его, хотя он наш родственник из Ирана.

— Нет, — сказал Конан. — Я знаю его давно. Это гирканец, шпион Ездигерда. Если я его поймаю, повешу его шкуру на тамариске.

— А кшатрии! — выкрикнул один из сидящих в полукруге воинов. — Мы должны сидеть по дворам и ждать, пока нас отсюда выкурят? В конце концов они узнают, в какой деревне держат девушку. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

— Пусть только появятся, — буркнул Яр Афзал. — Мы удержим ущелье против конницы.

Один из мужчин вскочил на ноги и погрозил Конану кулаком.

— Мы должны рисковать, а все плоды пожнет он! — заорал человек. — Мы за него должны сражаться?

Конан встал над ним, слегка наклонившись, посмотрел прямо в заросшее лицо. Кинжала он не вытаскивал, но левую руку держал на ножнах, со значением обнажив рукоятку.

— Я никого не прошу сражаться за меня, — ответил он спокойно. — Вытащи оружие, если ты отважен, паршивый пес!

Вазул отпрыгнул, фыркнув как кот.

— Попробуй дотронуться до меня, и эти пятьдесят людей разорвут тебя на части! — закричал он.

— Что?! — зарычал Яр Афзал, багровея от гнева. Он встопорщил усы и выставил вперед живот. — Разве ты вождь Курума? Выходит, вазулы подчиняются приказам какого-то несчастного ублюдка, а не Яр Афзала?

Воин съежился, а непобедимый вождь подскочил к нему, схватил за горло и начал душить, пока лицо жертвы не стало сине-фиолетовым. Потом он в ярости швырнул его оземь и встал над ним с саблей в руке.

— Кто еще хочет оспорить мою власть? — зарычал он и обвел всех воинственным взглядом, а его соплеменники угрюмо уставились в землю.

Яр Афзал презрительно крякнул и втокнул оружие в ножны жестом, полным презрения. Потом со злостью пнул лежащего на земле подстрекателя. Тот взвыл от боли.

— Обойдешь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли они чего, — приказал он.

Мужчина удалился, трясясь от страха и скрежеща зубами от злости.

Яр Афзал взгромоздился на камень, что-то бормоча себе под нос. Конан стоял возле него, широко расставив ноги, заложив пальцы за пояс, и прищуренными глазами глядел на столпившихся вокруг воинов. Они угрюмо глядели на него, не осмеливаясь больше провоцировать гнев Яр Афзала, но ненавидя чужака так, как это могут только горцы.

— Теперь слушайте меня, собачьи дети, я расскажу вам, как мы с лордом Конаном собрались одурочить кшатриев!

Раскатистое эхо могучего голоса Яр Афзала преследовало униженного воина, когда он тихо покинул собрание.

Мужчина обогнул группу хижин, подгоняемый злыми замечаниями и смехом женщин, бывших свидетельницами его позора, и быстро пошел по дороге, вьющейся меж валунов и скал.

Едва он дошел до первого поворота и исчез из вида жителей деревни, воин остановился как вкопанный, раскрыв рот от удивления. Ему не верилось, чтобы кто-то из чужаком смог

проникнуть в долину Курум, не замеченный зоркими наблюдателями. И все же на низком уступе скалы возле дороги сидел незнакомый мужчина в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Вазул открыл было рот, чтобы крикнуть, а ладонь его легла на рукоятку ножа. Но как только его глаза встретились с глазами чужака, крик замер в горле, а рука бессильно опустилась. Он стоял неподвижно, словно статуя, глядя вдаль остекленевшим, отсутствующим взглядом.

Несколько мгновений они стояли неподвижно, затем человек в зеленом тюрбане начертил пальцем на камне какой-то таинственный знак. Вазул не заметил, чтобы незнакомец что-то положил рядом с символом, но вдруг на скале что-то заблестело. Там появился сверкающий шар, похожий на шлифованный уголь. Человек в тюрбане поднял его и бросил вазулу, который машинально схватил предмет.

— Отнеси это Яр Афзалу, — сказал незнакомец.

Вазульский воин покорно развернулся и зашагал по дороге обратно, держа в вытянутой руке черный шар. Над краем уступа появилась голова девушки. Девушка смотрела на мужчину с восхищением и долей страха, которого вчера ночью еще не было.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Он ласково погладил ее по черным волосам.

— Ты, наверное, еще не пришла в себя после езды на воздушном коне, раз сомневаешься в моей мудрости? — рассмеялся он. — Пока жив Яр Афзал, Конан в безопасности среди вазулов. Их много, и ножи их остры. То, что я задумал, будет безопаснее — даже для меня — чем пытаться убить киммерийца и отнять у вазулов девушку. Не надо быть чародеем, чтобы предсказать, что сделают вазульские воины с Конаном, когда моя жертва подаст вождю Курума шар Йезуда.

Тем временем Яр Афзал, стоя перед своим домом, прервал тираду на полуслове, с удивлением и неудовольствием увидев, что человек, которого он выслал в обход по дозорам, пробивается к нему сквозь толпу.

— Я же приказал тебе обойти посты! — зарычал вождь. — Ты не мог этого сделать так быстро!

Воин не ответил. Он стоял неподвижно, невидящими глазами глядя на вождя и протягивая к нему руку с зажатым в ней черным шаром. Конан, взглянув через плечо Яр Афзала, шепнул что-то и хотел схватить вождя за руку. Но прежде чем он успел это сделать, вазул в порыве гнева ударил воина кулаком, свалив его на землю, как осла. Черный шар выпал из руки упавшего и покатился под ноги Яр Афзалу, который, пожалуй, только теперь заметил этот предмет. Он наклонился и поднял его с земли. Остальные воины, с удивлением поглядывая на товарища, увидели, как вождь наклонился, но не заметили, что он поднял.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на шар и хотел запихнуть его за пояс.

— Отнесите этого дурака в дом, — приказал он. — Он похож на человека, наевшегося лотоса. Он глядел на меня таким пустым взглядом. Я... А-а-а-а!

В правой ладони вождь вдруг почувствовал какое-то странное трепетание. Он замолчал и стоял, глядя прямо перед собой, ощущая в ладони странное шевеление: что-то там менялось, двигалось, жило. Его пальцы больше не сжимали гладкий блестящий шар. Он боялся взглянуть туда, язык его присох к гортани и ладонь не хотела раскрываться. Изумленные воины вдруг увидели, что глаза Яр Афзала ужасно расширились, и кровь отхлынула у него от лица. Вдруг с его губ, спрятавшихся в густой рыжей бороде, сорвался ужасный крик боли. Вождь зашатался и рухнул, как громом пораженный, вытянув перед собой правую руку. Он упал лицом в землю, а из-под его разжатых пальцев выполз паук — ужасное черное существо с волосатыми

конечностями и туловищем, блестящим, как шлифованный уголь. Мужчины заревели и отшатнулись от него. Пользуясь моментом, паук дополз до трещины в скале и исчез.

Воины в недоумении переглянулись. Вдруг среди шума послышался громкий, непонятно откуда звучащий, повелительный голос. Позже каждый из мужчин, присутствовавших там и оставшихся в живых, утверждал, что это кричал не он — но только слова эти слышали все.

— Яр Афзал мертв! Смерть чужаку!

Этот призыв сплотил горцев. Сомнения, недоверие и страх растворились в приливе неутолимой жажды крови. Под небеса взлетел разъяренный крик, когда все вазулы поддержали этот призыв. С горящими от ненависти глазами они бросились вперед, хлопая полами плащей и занеся ножи для удара.

Конан столь же быстро отреагировал. В мгновение ока он очутился у дверей дома. Но горцы были уже слишком близко и, оказавшись уже на пороге, он вынужден был повернуться и отбить удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову, он уклонился от удара другого ножа, распоров брюхо его обладателю, левой рукой свалил на землю очередного противника, а острием, которое держал в правой руке, пронзил еще одного и изо всех сил ударил спиной в закрытую дверь. Летящий нож отколол щепку от дверного косяка прямо над его ухом, но дверь под нажимом его могучей спины уступила, и киммериец задом влетел в дом. В то же мгновение бородатый горец, нанося свой удар, потерял равновесие и растянулся во весь рост на пороге. Конан наклонился, схватил его за одежду и, отбросив его вглубь комнаты, толкнул дверь в лицо наступавшим. Раздался хруст ломающихся костей. В следующий момент Конан задвинул засовы и поспешно обернулся, чтобы отразить нападение мужчины, который уже вскочил с пола и как бешеный бросился на него.

Жасмина забилась в угол, с ужасом глядя на дерущихся, которые то влетали в комнату, то выкатывались оттуда, порой почти падая на девушку. Комнату наполнил скрежет и блеск стали, а снаружи толпа нападавших выла, как стая волков, ударяя кинжалами по медной двери, бросая в нее камни. Кто-то притащил пень, и дверь задрожала под тяжелыми ударами.

Девушка закрыла уши руками, глядя на все безумными глазами. Борьба не на жизнь, а на смерть, происходившая в доме, одержимый вой снаружи приводили ее в состояние полупомешательства. Жеребец ржал и бил подковами о стены своей загородки. Он повернулся и ударил копытами между прутьев как раз в тот момент, когда горец, отскочив назад во время убийственной атаки киммерийца, прикоснулся спиной к перегородке. Позвоночник вазула треснул в трех местах как высохшая ветка, и воин упал на Конана, сбив его, так что оба они рухнули на пол из утоптанной глины.

Жасмина вскрикнула и прыгнула вперед. События развивались столь стремительно, что ей показалось, что оба они уже мертвы. Она была рядом с воинами как раз когда Конан оттолкнул труп и вставал. Девушка схватила его за плечо, дрожа как в лихорадке.

— Ох, ты жив! Я думала... думала, что он тебя убил!

Конан посмотрел на нее — на побледневшее лицо, обращенное к нему, на широко раскрытые черные глаза.

— Почему ты дрожишь? — спросил он. — С чего бы это тебе переживать, жив я или нет?

На лице Жасмины тотчас появилась тень надменной гримасы. Она отодвинулась, делая жалкую попытку казаться прежней Дэви.

— Предпочитаю уж лучше тебя, чем эту стаю волков, воющих снаружи, — ответила она, показывая на дверь, камень вокруг которой уже начал крошиться.

— Долго не выдержит, — заметил Конан, потом быстро обернулся и подошел к перегородке, за которой находился жеребец.

Жасмина сжала кулаки и затаила дыхание, глядя, как он отодвигает в сторону сломанные

пругья и входит к буйствующему зверю. Жеребец встал на дыбы, ощерив зубы, забил копытами и пронзительно заржал, раздувая ноздри. Но Конан подпрыгнул и с нечеловеческой силой схватил его за гриву, заставив стоять спокойно. Конь фыркал, его била нервная дрожь, но он позволил надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стременами.

Киммериец повернул коня и позвал Жасмину. Она осторожно приблизилась, держась подальше от копыт скакуна. Конан орудовал у каменной стены загородки, тихо говоря девушке:

— Здесь есть тайная дверь, о которой даже вазулы ничего не знают. Яр Афзал однажды показал мне ее, когда напился. Она выходит прямо в ущелье за домом. Ха!

Он потянул за невзрачного вида выступ скалы, и вся часть ее отодвинулась внутрь на смазанных маслом железных рельсах. Выглянув сквозь проем, Жасмина увидела узкую расщелину в скальной круче, вертикально vzdымавшейся на несколько футов за задней стеной дома. Конан вскочил на коня, поднял девушку и посадил перед собой в седло. За их спиной толстая дверь, охнув, как живое существо, с шумом упала. Через проем ввалилась толпа заросших, воющих во весь голос воинов с кинжалами в руках. Огромный скакун вылетел из дома, словно его выстрелили из катапульты, и поскакал по ущелью, вытянувшись на бегу как струна, с хлопьями пены на морде.

Этот маневр застал вазулов врасплох. Точно так же, как и тех, кто крался ущельем. Все произошло так быстро, что человек в зеленом тюрбане не успел уступить дорогу. Он упал, сбитый мчащимся конем, а его спутница пронзительно закричала. Конан видел ее лишь одно мгновение: стройная темноволосая красавица в шелковых шароварах и украшенной драгоценностями полосе ткани, перевязывающей грудь, прижавшаяся к стене расщелины. Черный конь мчал, как лист, несомый вихрем, унося киммерийца и его пленницу. А горцы, которые выбежали следом за ними в ущелье, встретили то, что превратило их кровожадный вой в пронзительные крики ужаса и смерти.

6. ГОРА ЧЕРНЫХ ПРОРИЦАТЕЛЕЙ

— Куда теперь?

Жасмина, вцепившись в похитителя, пыталась сесть выпрямившись на раскачивающейся луке седла. С легким стыдом она сознавала, что ей вовсе не неприятно прикосновение к мускулистому телу мужчины.

— В Афгулистан, — ответил он. — Это опасная дорога, но мой конь доставит нас без труда, если только мы не наткнемся на твоих друзей или врагов моего племени. Теперь, когда Яр Афзал мертв, проклятые вазулы от нас не отвяжутся. Странно, что их до сих пор нет.

— Кто тот человек, которого ты сбил? — спросила она.

— Не знаю. Никогда раньше его не видел. Он наверняка не гулистанец. Не имею понятия, что он там, черт побери, делал. Там еще была девушка.

— Да. — Жасмина нахмурилась. — Не пойму. Это была моя придворная по имени Гитара. Думаешь, она хотела мне помочь? И этот человек ее друг? Если это так, то вазулы схватят их обоих.

— Что ж, — проговорил Конан, — мы ничего не можем поделать. Если мы вернемся, то вазулы снимут с нас шкуру. Не пойму, как девушка могла забраться так далеко в сопровождении всего лишь одного мужчины, да и то, судя по одеянию, ученого. Что-то здесь не так. Тот человек, которого Яр Афзал избил, а потом послал в обход постов, двигался как лунатик. Я видел в Заморе жрецов, совершавших свои ужасные обряды в тайных святынях Езуда. У их жертв был такой же взгляд. Жрец посмотрит кому-либо в глаза, пробормочет несколько заклятий, и человек начинает вести себя как живой труп, смотрит стеклянными глазами, делает, что ему скажут.

Кроме того, я видел, что было в руках у этого человека, то, что поднял Яр Афзал. Это было похоже на большую черную жемчужину, такие носят девушки из Храма Езуда, танцующие перед черным каменным пауком, которому поклоняются. Яр Афзал держал в ладони именно это. А когда упал замертво, из его пальцев выскользнул паук, похожий на божество Езуда, только меньших размеров. Потом, когда вазулы стояли не зная, что делать, какой-то голос крикнул, чтоб меня убили. Я знаю, что этот голос не принадлежал никому из воинов или женщин, толпившихся у хижин. Похоже было, что звучал он сверху.

Жасмина ничего не ответила. Она посмотрела на суровые очертания высящихся вокруг хребтов и задрожала. Этот печальный пейзаж наполнил ее душу отчаянием. В этом мрачном, пустом краю могло произойти все, что угодно. Людям, рожденным на горячих равнинах богатого Юга, многовековые традиции внушали веру в то, что эту землю окутывает туман тайны и опасности.

Солнце было уже высоко в небе, донимая землю отчаянной жарой, и все же веющий внезапными порывами ветер, казалось, сорвался с ледяных круч. В какое-то мгновение Жасмина услышала вверху свист, который не был похож на свист ветра, и, посмотрев на Конана, внимательно вглядывающегося в небо, она поняла, что и он усмотрел в этом что-то необычное. Девушке показалось, что по голубому небу промчалась какая-то неясная полоса, словно комета быстро пролетела у них над головами, но она не была уверена, что это ей не почудилось. Они не стали это обсуждать, но Конан незаметно проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен.

Они поехали по едва приметной тропе, опускающейся в такое глубокое ущелье, что солнце никогда не достигало его дна. Порой тропа взбиралась на крутые склоны так высоко, что казалось, они вот-вот осыплются из-под ног, или вела по острым как нож граням со склонами по обе стороны тропы, ведущими в бездонные, завешенные голубоватой мглой пропасти.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли узкого тракта, вьющегося между

скалами. Конан натянул поводья и направил коня на юг, почти перпендикулярно прежнему направлению их пути.

— Эта дорога ведет в деревню галзаев, — объяснил он. — Их женщины ходят здесь по воду. Тебе нужна новая одежда.

Поглядев на свою легкую одежду, Жасмина решила, что он прав. Ее туфельки из парчи были изорваны так же, как платье и шелковое белье, которые теперь мало что прикрывали. Одевание, подходящее для улиц Пешкаури, не очень-то годилось для камней Химелианских гор.

Доехав до поворота, Конан спешился и помог Жасмине сойти с коня. Они ждали довольно долго. Наконец Конан удовлетворенно кивнул головой, хотя девушка совершенно ничего не заметила.

— Идет женщина, — сказал он.

Жасмина во внезапном порыве испуга схватила его за руку.

— Ты... ты не убьешь ее?

— Как правило, я женщин не убиваю, — ответил Конан, — хотя некоторые из этих горянок сущие волчицы. Нет, — улыбнулся он, словно услышав хорошую шутку, — я ее не убью. Во имя Крома, я даже заплачу ей за вещи! Как тебе это нравится?

Он достал горсть золотых монет и спрятал их обратно, оставив самую большую монету. Дэви с облегчением кивнула головой. Ей казалось обычным явлением то, что мужчины убивают и гибнут сами, но при мысли о том, что она могла бы быть свидетельницей убийства женщины, дрожь пробегала по ее телу.

Наконец из-за поворота вышла долгожданная женщина, высокая худая галзайка, несущая огромный пустой бурдюк. Завидев их, она остановилась как вкопанная, бурдюк выпал у нее из рук. Она сделала движение, словно собиралась обратиться в бегство, но сейчас же сообразила, что Конан находится слишком близко от нее, чтобы ей удалось улизнуть, и осталась стоять спокойно, глядя на них со страхом и любопытством.

Конан показал ей золотую монету.

— Если отдашь этой женщине свою одежду, — сказал он, — возьмешь себе эту деньги.

Горянка отреагировала мгновенно. Широко улыбнувшись от удивления и удовлетворения, она с типично горским презрением к условностям охотно сбросила с себя вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, брюки и рубашку с широкими рукавами, а также кожаные сандалии. Свернув все в узел, она отдала сверток Конану, который передал его удивленной Жасмине.

— Иди за скалу и переоденься там, — приказал он, еще раз доказывая этим, что он не химелианский горец. — Сверни свое платье в узел и принеси мне, когда переоденешься.

— Деньги! — визгливо потребовала галзайка, с жадностью протягивая руку. — Золото, которое ты обещал!

Киммериец бросил ей монету, она поймала ее в воздухе, куснула для пробы, потом спрятала в волосы, наклонилась, подняла бурдюк и пошла дальше по дороге, лишенная стыда равно как и одежды. Конан ждал с некоторым нетерпением, Пока Дэви впервые в жизни оденется самостоятельно. Когда она вышла из-за скалы, он чертыхнулся от изумления, и Жасмина ощутила прилив странного волнения, увидев неприкрытое восхищение у него на лице. Она ощущала стыд, замешательство и укол тщеславия, которого до сих пор не знала, а от его горящего взора ее бросило в дрожь.

— О, Кром! — сказал он. — В тех ниспадающих неземных одеяниях ты казалась холодной, равнодушной и далекой, как звезды! Сейчас ты — женщина из плоти и крови! Ты ушла за скалу как Дэви Вендии, а вышла как горская девушка — но в тысячу раз более прекрасная, чем все девки Зхабара! Была богиней, теперь — женщина!

Он с силой хлопнул ее по заду, и Жасмина, поняв это лишь как знак своеобразного

уважения, не оскорбилась. Вместе с одеждой она словно сама изменилась. Ею овладели до сих пор сдерживаемые чувства и желания, словно, сбросив королевские одежды, она избавилась от уз преубеждений и условностей.

Но Конан не забывал о грозящей им опасности. Чем больше удалялись они от Зхабара, тем менее правдоподобной была встреча с кшатрийскими отрядами, но он все равно все время прислушивался к отголоскам, свидетельствовавшим о том, что мстительные вазулы из Курума идут по следам.

Устроив Дэви в седле, Конан сам вскочил на коня и снова направил его на запад. Сверток с одеяньями, который отдала ему девушка, он зашвырнул в тысячефутовую пропасть.

— Зачем ты это сделал? — поинтересовалась она. — Почему бы не отдать одежду девушке?

— Всадники из Пешкаури прочесывают горы, — сказал Конан. — Горцы будут нападать на них, а те — уничтожать деревни, которые им не покорятся. Они могут направиться и на запад. Если бы они нашли девушку, которая носит твою одежду, то пытками заставили бы ее говорить, и она могла бы навести их на наш след.

— А что она сейчас будет делать? — спросила Жасмина.

— Вернется в деревню и скажет, что на нее напали. Скорее всего, за нами вышлют погоню. Но вначале она должна пойти набрать воды: если она осмелится вернуться без нее, будет избита. Это дает нам запас времени. Нас не поймают. Еще до захода солнца мы пересечем границу Афгулистана.

— Здесь совсем не видно следов людских селений, — заметила Жасмина. — Даже для Химелианских гор этот район слишком безлюден. Мы не встретили ни одной проложенной людьми дороги с тех пор, как покинули тракт, на котором встретили галзайку.

В ответ он показал рукой на северо-запад, где она увидела вершину, окруженную остроконечными скалами.

— Это Йимша, — сказал Конан. — Горские племена строят свои деревни как можно дальше от этой горы.

Жасмина окаменела.

— Йимша, — шепнула она. — Гора Черных Прорицателей!

— Так говорят, — ответил он. — Я еще никогда так близко не подходил к ней. Мы отклонились на север, чтобы не столкнуться с кшатрийскими воинами, которые могли бы углубиться и до этих мест. Наезженный путь из Курума в Афгулистан лежит на юге. Этот путь — старый, его редко кто использует.

Жасмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Она сжала руки так, что ногти впились в ладони.

— Сколько нужно времени, чтобы доехать отсюда до Йимши?

— Остаток дня и целую ночь, — ответил он с улыбкой. — Ты хочешь туда попасть? Во имя Крома, там не место для простого смертного, судя по тому, что рассказывают горцы.

— Почему они не соберутся и не убьют демонов, которые там поселились?

— спросила она.

— С мечами против колдовства? Кроме всего, колдуны не вмешиваются в людские дела, разве что кто-то вставляет им палки в колеса. Я никогда не видел никого из них, хотя разговаривал с людьми, которые клялись, что их встречали. Говорят, что на восходе или закате солнца можно увидеть среди скал жителей Йимши — высоких молчаливых мужчин в черных тогах.

— А ты? Побоялся бы на них напасть?

— Я? — мысль об этом показалась Конану неожиданной. — Ну, если б они перешли мне дорогу, то вышло бы: либо я, либо они. Хотя у меня с ними пока нет повода ссориться. Я прибыл

в горы, чтобы собрать людей, а не для того, чтобы воевать с колдунами.

Жасмина ничего не ответила. Она смотрела на гору как на живого противника, чувствуя, как гнев и ненависть вновь проникают в ее душу. В ее голове начала прорастать новая мысль. Она старалась придумать, как бы настроить против хозяев Йимши человека, во власти которого она сейчас находилась. Может, существует какой-либо способ достичь этой цели? Она не могла ошибиться относительно выражения, появившегося в его диких голубых глазах, когда он смотрел на нее. Не одно царство пало, когда маленькие белые женские ручки потянули за нити судьбы...

Вдруг она вздрогнула и показала пальцем.

— Смотри!

Над далекой вершиной поднялось еле заметное облачко необычной формы. Матово-алое, с искрящимися золотыми прядями, оно было в постоянном движении, вращалось, вибрировало и внезапно сжималось. Через минуту оно превратилось во вращающийся конус, сверкающий в солнечных лучах. Вдруг он оторвался от снежной вершины горы, как разноцветное перышко проплыл по небу и исчез в бездонной голубизне.

— Что бы это могло быть? — неуверенно спросила девушка, когда своей выпуклостью оно заслонило вершину. Картина эта хотя и была красива, но пробуждала тревогу.

— Здешние называют это Ковер Йимши, но я не знаю, что это означает, — сказал Конан. — Когда-то я видел, как сотен пять местных жителей удирали, словно сам дьявол преследовал их по пятам, прятались в скалах и пещерах только потому, что увидели, как эта ярко-красная тучка отрывается от вершины. Что это...

Они только что проехали мимо узкой трещины, словно кто-то вертикально рассек ножом скалу, и оказались на широком выступе, по одну сторону которого был потрескавшийся скат, по другую — огромная круча. По уступу проходила заброшенная дорога, постепенно спускавшаяся вниз, скрывающаяся за скальными хребтами и вновь появляющаяся через равные промежутки пути. Выехав из расселины, которая вела на этот уступ, черный скакун фыркнул и встал как вкопанный. Конан пришпорил его, но конь только всхрапнул и замотал головой, дрожа и напрягая мускулы, словно наткнулся на какую-то невидимую преграду.

Киммериец чертыхнулся и прыгнул на землю, держа Жасмину на руках. Он двинулся вперед, выставив перед собой руку, словно ожидая наткнуться на какой-то невидимый барьер. Но ничто не преграждало им пути, хотя, когда он попробовал потянуть за собой коня, тот пронзительно заржал и рванулся назад. Вдруг Жасмина вскрикнула, и Конан резко обернулся, схватившись за рукоятку кинжала.

Он не заметил, чтобы кто-то приближался, и все же перед ним стоял мужчина, одетый в тогу из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. Конан хмыкнул от удивления, узнав в незнакомце, стоящем перед ним со скрещенными на груди руками, человека, которого он сбил в ущелье у вазульской деревни.

— Кто ты, черт тебя возьми? — спросил Конан.

Незнакомец не ответил. Конан заметил, что его зрачки неестественно расширены, неподвижны и блестящи. И с магнетической силой притягивают внимание.

Колдовство Хемсы основывалось на гипнозе как и большая часть восточной магии. Бесчисленные поколения, живущие и умирающие с неколебимой верой в возможности и силу гипноза, создали благодаря всеобщей вере и практике такую гнетущую атмосферу страха, что человек, воспитанный в традициях этих земель, столкнувшись с гипнозом, был беспомощен.

Но Конан не был сыном Востока. Восточные традиции для него ничего не значили, он являлся продуктом совсем иной цивилизации. В Киммерии гипноз не был даже мифом. Наследие, которое подготавливало жителя Востока к подчинению гипнозу, было Конану чуждо.

Он понимал, что именно пробует сделать Хемса, но удар его необыкновенной силы ощущал

только как слабый импульс, невидимые узы, настолько тонкие, что мог их разорвать так же легко, как паутину.

Поняв враждебные намерения колдуна, Конан выхватил из-за пояса кинжал и вихрем бросился на него.

Но гипноз был не единственным оружием Хемсы. Глядя со стороны, Жасмина не заметила какой-либо хитрой увертки или колдовства, благодаря которому человек в зеленом тюрбане уклонился от страшного удара, нацеленного ему в живот. Узкое острие прошло у него подмышкой, и Жасмине показалось, что Хемса только прикоснулся открытой ладонью к крепкой шее Конана, — а киммериец с грохотом рухнул на землю.

Но удар не убил его. Падая, он смягчил удар от падения, подставив левую руку и одновременно стараясь сделать Хемсе подножку. Тот уклонился от нее, совсем не по-колдовски отскочив назад. Вдруг Жасмина громко вскрикнула, видя, как из-за скалы выходит и встает рядом с человеком в зеленом тюрбане женщина, в которой она узнала Гитару. Крик радости замер на губах у Дэви, когда она увидела злобу, отразившуюся на красивом лице девушки.

Конан медленно поднялся, потрясенный и ошеломленный ударом, который был нанесен по всем правилам искусства, забытого задолго до погружения Атлантиды в пучину океана, — он как сухую ветку сломал бы шею любого обыкновенного человека. Хемса внимательно, слегка потеряв уверенность, посмотрел на Конана. Маг уверился в своей силе, когда оказывал сопротивление орде разъяренных вазулов в расщелине у деревни Курум, но стойкость киммерийца, пожалуй, поколебала его новоприобретенную веру в себя. Магия все же основывается на победах, а не на поражениях.

Хемса двинулся вперед, подняв руку... и вдруг замер с поднятой рукой, глядя вверх широко открытыми глазами. Конан тоже невольно посмотрел в том направлении — как и две женщины: сжавшаяся возле дрожащего коня Жасмина и девушка Хемсы.

По горным склонам скатывалась алая конусовидная туча, как кружащееся облако из блестящей пыли, несомое ветром. Лицо Хемсы стало пепельным, рука его задрожала и безвольно упала. Стоящая рядом с ним девушка, ощущая неладное, испытующе посмотрела на Хемсу.

Алое облако сползло по склону горы и, описав большой полукруг, приземлилось на уступе скалы между Конаном и Хемсой, который отпрыгнул со сдавленным криком. Он отшатнулся назад, увлекая за собой девушку, судорожно вцепившись в ее плечо.

Алая тучка какое-то время висела на месте, вращаясь с ошеломляющей скоростью, словно овод, висящий в воздухе. Потом она внезапно исчезла, словно лопнувший мыльный пузырь. На скале стояло четверо мужчин. Это было невероятно, невозможно, и все же это были не духи, не привидения, а четверо высоких мужчин с выбритыми головами, в черных тогах, скрывавших их руки и ноги. Они молча стояли, согласно кивая птичьими головами. Смотрели они на Хемсу, но стоящий за их спинами Конан почувствовал, как в его жилах стынет кровь. Он встал и начал медленно пятиться, пока не уперся спиной в дрожащего жеребца, а рукой мог обнять испуганную Дэви. Не было сказано ни единого слова. Тяжелым покровом легла вокруг тишина.

Четверо в черных тогах смотрели на Хемсу. На их лицах с птичьими чертами не было никакого выражения, а взгляды были неподвижно сосредоточены. Хемса трясся как в лихорадке, ноги его крепко упирались в скалу, а мускулы лодыжек напряглись в огромном усилии. Пот струями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он изо всех сил сжимал что-то спрятанное под коричневой тогой, так что из посиневшей руки отхлынула кровь. Левую руку он положил на плечо Гитары и судорожно сжал его отчаянным движением тонущего человека. Девушка не дрогнула, не издала ни звука, хотя пальцы Хемсы впились в ее тело как когти.

Прожив беспокойную жизнь, Конан был свидетелем сотен битв, но никогда не видел такой,

как эта, в которой силы четырех демонов, объединившись, сражались с одной, тоже дьявольской силой. Но киммериец едва ощущал природу этой кошмарной битвы. Прижатый к стене, окруженный своими бывшими господами, Хемса сражался за свою жизнь, употребляя самые головокружительные способы и все свои ужасные знания, приобретенные в течение долгих, мрачных лет послушничества.

Он был сильнее, чем сам того ожидал, а необходимость употребить эту силу в свою защиту высвободила в нем неожиданные запасы энергии. Страх и отчаяние умножили эту силу. Он шатался под безжалостным напором четырех пар глаз, но не уступал им поля битвы. Его лицо исказила звериная гримаса боли, а тело изгибалось, словно его колесовали. Это была битва душ, извращенных разумов, которые проникли в пучину мрака и познали там черные звезды, рождающие кошмары.

Жасмина понимала это лучше, чем Конан. Она догадывалась, почему Хемса мог выдержать направленный удар четырех умов, воля которых могла бы расщепить на мельчайшие кусочки скалу, на которой он стоял. Причиной этому была девушка, которую он прижимал к себе со всей силой отчаянья. Она была якорем спасения его измученной души, сокрушаемой волнами эмоций. Силой Хемсы была его слабость. Любовь к девушке, пусть внезапная и осуждаемая, была все же нитью, связующей его с остатками человечности, служа опорой рычагу его воли, создавая цепь, которую не могли разорвать враги, по крайней мере, не могли разорвать того звена, которым был Хемса.

Они поняли это раньше, чем он. Один из колдунов перевел свой взгляд на Гитару. Сопrotивления он не встретил. Девушка сжалась и поникла, как засохший лист. Ведомая повелительным наказом, она вырвалась из объятий любовника прежде, чем он понял, что происходит. И тогда началось самое ужасное. Девушка стала отступать к краю обрыва, обращенная лицом к своим преследователям, глядя на них черными расширенными глазами, пустыми, как окна дома, в котором погас свет. Хемса застонал и потянулся к ней, попав в расставленную ему ловушку. Он не мог собраться с мыслями, чтобы отбить атаку противников. И в тот же миг он превратился в побежденного, который был в их руках только игрушкой. Девушка продолжала отступать, идя неуверенно, как во сне, а Хемса, спотыкаясь, шел за ней, напрасно пробуя ее поймать, охая и всхлипывая от отчаянья. Он двигался как живой труп.

Девушка замерла на самом краю пропасти, стоя неподвижно, с пятками над провалом, а Хемса, упав на колени и причитая, полз к ней, протягивая вперед руки, чтобы удержать ее от падения. Он уже почти прикоснулся к ней одеревеневшими пальцами, но один из чернокнижников рассмеялся громким, звучным, как бронзовый звон адского колокола, смехом. Девушка зашаталась и

— о, вершина жестокости! — чувства и сознание на мгновение вернулись к ней, и в ее глазах появился смертельный ужас. Она вскрикнула, попробовала было ухватиться за протянутую к ней руку любовника и не смогла этого сделать, — с глухим криком упала в пропасть.

Хемса добрался до края пропасти и безумным взглядом посмотрел вниз, беззвучно шевеля губами, что-то шепча про себя. Обернулся и долго смотрел на своих мучителей широко раскрытыми глазами, в которых не было ни искры человеческого. Потом с криком, от которого стали трескаться скалы, бросился на четырех чернокнижников, держа нож в поднятой руке.

Один из колдунов шагнул вперед и топнул ногой, раздался глухой треск, перешедший затем в оглушительный рев. В том месте, где он ударил ногой, раскрылась и стала мгновенно увеличиваться трещина. С оглушительным шумом весь этот кусок выступа скалы рухнул вниз. Среди падающих камней мелькнула и фигура Хемсы, отчаянно взмахивающая руками, потом все исчезло под лавиной, с грохотом сползающей в бездонную пропасть.

Четыре мага сосредоточенно смотрели на потрескавшийся край пропасти, потом вдруг обернулись. В это время Конан, сбитый с ног внезапным сотрясением земли, вставал и помогал подняться Жасмине. Ему казалось, он двигается очень медленно и так же медленно соображает. Он был ошеломлен. Знал, что должен немедленно посадить Дэви на черного скакуна и помчаться как вихрь, но его телом и мыслями овладела непонятная тяжесть.

Потом чернокнижники повернулись и посмотрели на него, подняв руки, и Конан с ужасом увидел, что их фигуры как бы расплываются, становятся туманными и невыразительными, потом исчезают в пурпурном дыму, который вдруг стал клубиться вокруг них, скрывая их от взоров Конана. Пурпурное клубящееся облако скрыло магов... и вдруг Конан сообразил, что этот алый туман окружает и его. Он услышал крик Жасмины и пронзительное ржание скакуна. Страшная сила вырвала Дэви из его объятий и швырнула его о камни как перышко, когда он стал наугад разить кинжалом. Наполовину оглушенный, он увидел, как конусообразное облако возносится над вершинами, быстро удаляясь. Жасмина исчезла вместе с четырьмя колдунами в черных одеяниях. На выступе скалы остались только Конан и испуганный конь.

7. ПУТЬ К ЙИМШЕ

Как исчезает туман под порывом сильного ветра, так мгновенно исчезла паутина, окутывавшая мозг Конана. С чудовищным проклятием он прыгнул в седло. Скакун под ним заржал и стал на дыбы. Конан бросил сердитый взгляд вверх на склоны, некоторое время колебался, а затем повернул в том направлении, куда собирался ехать до того, как его задержали фокусы Хемсы. Но теперь он ехал не умеренным шагом. Он отпустил поводья, и скакун ринулся вперед подобно молнии, словно был рад сбросить напряжение в дикой скачке. Они мчали сломя голову по выступу, огибая скалу по узкой тропе. Тропа следовала складке камня и спускалась вниз витками по ярусам многослойной каменной стены. Один раз Конан мельком увидел далеко внизу место падения — огромная груда каменных обломков и валунов у подножия гигантского утеса.

До дна долины было все еще далеко, когда он домчался до длинного и широкого ребра, ведущего на другой склон как естественный мостик. Он поехал по нему. По обе стороны лежали почти вертикальные склоны. Он видел перед собой тропку, по которой ехал, а где-то внизу тропа спускалась со склона на дно долины и, сделав огромный крюк вдоль русла высохшей реки, возвращалась под скалу, на вершине которой сейчас находился Конан. Киммериец проклял необходимость делать крюк, но другого выхода не было. Спускаться вниз напрямик было бы самоубийством. Только птица смогла бы сделать это, не сломив себе шею.

Киммериец пришпорил измученного коня и вдруг услышал где-то внизу стук подков. Придержав коня, осторожно подъехал к краю пропасти и заглянул в ущелье, образовавшееся, когда здесь протекала река. По сухому руслу ехала прямоугольником толпа — пятьсот крепких, вооруженных до зубов, бородатых мужчин на полудиких конях. Наклонившись над краем тридцатифутовой пропасти, Конан окликнул их.

На его оклик они приостановились, пятьсот бородатых лиц поднялись вверх и по каньону пронеслось глухое ворчанье. Конан не терял времени:

— Я еду в Гхор! — крикнул он. — Не рассчитывал встретить вас, псов, на этой дороге. Быстро поезжайте за мной, насколько это могут ваши клячи! Поедем на Йимшу и...

— Предатель! — этот дружный крик был для Конана как ушат холодной воды на голову.

— Что такое? — выдавил он из себя, вытаращив глаза.

И увидел искаженные ненавистью лица и руки товарищей, взмахивающие саблями.

— Предатель! — дружно отозвались они. — Где семеро наших вождей, схваченных в Пешкаури?

— В губернаторской тюрьме, — ответил Конан.

В ответ он услышал вой сотен глоток, звон оружия и крики, из которых никак не мог понять, что они от него хотят. Рыча как буйвол, перекрыв этот шум, Конан крикнул:

— Черт побери! Пусть кто-то один скажет, чтобы я мог понять, в чем дело!

Худой, старый вождь взял на себя эту задачу: сначала погрозил Конану саблей, потом бросил ему обвинение:

— Ты не позволил нам напасть на Пешкаури и отбить наших братьев!

— Вы глупцы! — рявкнул разъяренный киммериец. — Даже если бы вам удалось взобраться на стены, в чем я сильно сомневаюсь, то пленников повесили бы раньше, чем удалось бы их освободить!

— И ты сам поехал торговаться с губернатором! — завыл афгул, кипя злобой.

— И что с того?

— Где наши вожди? — кричал старый вождь, махая саблей. — Где они? Их нет в живых!

— Что? — Конан чуть не упал с коня от изумления.

— Их нет в живых! — подтвердило пятьсот жаждущих крови глоток. Старик завертел саблей над головой и снова взял слово.

— Их не повесили! — кричал он. — Вазул в соседней клетке видел, как они погибли! Губернатор прислал чернокнижника, который убил их своим колдовством!

— Это ложь! — ответил Конан. — Губернатор не осмелился бы на это. Когда я разговаривал с ним прошлой ночью...

Эти слова были очень некстати. Остервенелое вытье и проклятья взвились в небеса.

— Да! Ты поехал к нему один! Чтобы предать нас! Это правда. Вазул удрал через дверь, которую сломал чернокнижник, и все рассказал нашим разведчикам, которых встретил в Зхабаре. Мы их послали искать тебя, когда ты вовремя не вернулся назад. Когда они услышали рассказ вазула, то вернулись на Гхор, а мы оседлали коней и пристегнули мечи.

И что вы хотите делать, глупцы? — спросил Конан.

— Отомстить за наших братьев! — завывали они. — Смерть кшатриям. Убить его — это предатель!

Рядом с Конаном посыпались стрелы. Он поднялся на стременах, снова пробуя перекричать шум, после чего с возгласом злости, протеста и разочарования повернул коня и поскакал назад. Бросившиеся за ним афгулы, изрыгающие вслед ему проклятия и угрозы, были слишком разъярены, чтобы сообразить, что они могут попасть на ребро, по которому ехал Конан, только направляясь в противоположную сторону, обогнув поворот и кропотливо взбираясь крутой дорогой наверх. Когда они наконец сообразили это и повернули назад, их бывший вождь уже почти достиг того места, где ребро переходило в горный уступ.

Оказавшись над обрывом, Конан поехал не дорогой, которой сюда добирался, а по еле заметной тропке, покрытой валунами, о которые спотыкался жеребец. Он недалеко по ней проехал, когда конь фыркнул и шарахнулся в сторону, увидев что-то, лежащее на дороге. Конан взглянул с его спины на страшно разбитое кровавое подобие человека, что-то пытающегося выговорить сквозь сломанные зубы.

Одни боги тьмы, управляющие судьбами чернокнижников, знали, каким образом Хемса смог выбраться из-под огромной кучи камней и взобраться по крутому склону на дорогу.

Ведомый каким-то странным импульсом киммериец спешил и остановился над искалеченным человеком. Он знал, что является сейчас свидетелем необычного, противоестественного явления. Хемса поднял окровавленную голову, а в его странных глазах, подернутых мукой и мраком приближающейся смерти, появились проблески сознания.

— Где они? — проскрипел он голосом, в котором не было ничего человеческого.

— Вернулись в свой проклятый замок на Йимше, — буркнул Конан. — Забрали с собой Дэви.

— Пойду! — бормотал несчастный. — Пойду туда. Они убили Гитару, а я убью их... прислужников, Четверых из Черного Круга и самого властелина! Убью... всех убью!

Он попробовал протащить дальше свое искалеченное тело, но даже его непобедимая сила воли не была уже в силах оживить эти кровавые лоскуты, потрескавшиеся кости, держащиеся только на порванных тканях и изодранных мускулах.

— Иди за ними! — бормотал Хемса, изо рта которого струилась кровавая пена. — Иди!

— Это я и намерен сделать, — сказал Конан. — Хотел созвать моих афгулов, но они обратились против меня. Я иду на Йимшу один и отниму у них Дэви, даже если бы мне пришлось собственными руками разнести на кусочки эту проклятую гору. Я не думал, что губернатор осмелится убить моих вождей, когда я захватил Дэви, но, похоже, что я ошибался. Он заплатит мне за это головой. Сейчас она уже не нужна мне как заложница, но...

— Пусть падет на них проклятие Йизиля! — выдохнул Хемса. — Иди! Я — Хемса... умираю. Подожди... возьми мой пояс.

Искаленной рукой он начал копаться в своих лохмотьях, и Конан, поняв его намерения, наклонился и помог снять с окровавленного тела пояс странного вида.

— В пропасти держись золотой жилы, — бормотал Хемса. — Носи мой пояс. Мне его дал стигийский жрец. Он поможет тебе, хотя меня подвел. Разбей хрустальный шар с четырьмя плодами граната. Берегись превращений владыки... Иду к Гитаре... она ждет меня в аду... айе, йа Селос йар!

С этими словами он умер.

Конан посмотрел на пояс, сплетенный из волос, не похожих на конские. Скорее всего, это были женские волосы. В плотных сплетениях блестели маленькие драгоценные камешки, таких он еще никогда не видел. Пряжка была странной: в форме плоской клиновидной головы змеи, покрытой мелкими золотыми чешуйками.

Когда Конан взглянул на этот пояс, холодная дрожь пробежала у него по телу. Он замахнулся, чтобы выбросить пояс в пропасть, но, подумав, застегнул его на бедрах, пряча под широким бахарийским поясом, который носил всегда. Потом сел на коня и двинулся дальше.

Солнце спряталось за вершину. Конан взбирался в горы по длинным теням, словно широким плащом покрывающим долины и уступы скал внизу. Он уже приближался к вершине, когда услышал впереди стук подкованных копыт. Он ни минуты не колебался. Тропа была так узка, что огромный жеребец не смог бы повернуть назад. Киммериец обогнул выступ скалы и оказался на более широком отрезке тропы. Раздался целый хор предостерегающих криков, но жеребец Конана уже прижал испуганного коня к скале. А Конан железной хваткой схватил руку ездока, замахнувшегося на него ножом.

— Керим Шах! — произнес Конан, и в глазах его зажглись яркие огоньки.

Туранец не сопротивлялся. Сидя на конях, они почти соприкасались грудью, а рука киммерийца сжимала его плечо. За Керим Шахом ехал отряд иракзаев на тощих конях. Они смотрели горящими глазами на незнакомца, загородившего им дорогу, и держали наготове луки и кинжалы, но не спешили пустить их в ход из-за опасной близости зияющей у их ног пропасти.

— Где Дэви? — спросил Керим Шах.

— Тебе что до этого, гирканский шпион? — ответил Конан.

— Знаю, я в твоих руках, — сказал Керим Шах. — Я ехал с горцами на север, когда мы попали в засаду, расставленную нам врагами на перевале Шализах. Многие мои люди были убиты, а остальных преследовали как стаю шакалов. Избавившись от преследователей, мы направились на запад к перевалу Амир Жехун, а сегодня утром наткнулись на бродившего по горам вазула. Он совсем спятил, но прежде, чем умер, мы многое узнали из его беспорядочного бреда. Он сказал нам, что остался единственным уцелевшим из той банды, которая помчалась за вождем афгулов и пленной кшатрийкой в ущелье у деревни Курум. Еще он все время говорил о человеке в зеленом тюрбане, которого сбил конь афгула и который — когда на него напали вазулы, преследовавшие того человека, — погубил их, уничтожив так, как язык пламени уничтожает тучу саранчи. Каким образом уцелел этот вазул, я не знаю, да этого не знал и он сам, но из его бреда я понял, что Конан из Гхора был в Куруме со своей королевской пленницей. А когда мы пробирались через горы, нам встретилась голая галзайка с бурдюком. Она рассказала, что ее ограбил огромный воин в одежде вождя афгулов, который — по ее словам — заставил ее отдать одежду для сопровождавшей его вендианки. Девушка утверждала, что ты поехал на запад.

Керим Шах не счел нужным рассказать, что, когда враждебно настроенные горцы перекрыли ему дорогу, он как раз ехал на условленную встречу с отрядом туранской конницы. Дорога к долине Гураша через перевал Шализах была длинней, чем дорога, ведущая через

перевал Амир Жехун, но эта последняя пересекала земли афгулов, которых Керим Шах предпочитал избегать, по крайней мере, пока не соединится с армией. Отрезанный от дороги, ведущей на перевал Шализах, он тем не менее все же поехал этим небезопасным путем, пока весть, что Конан со своей пленницей еще не достиг Афгулистана, не склонила его к мысли повернуть на юг и совершить дерзкий поход вглубь гор в надежде встретить киммерийца.

— Скажи лучше, где Дэви? — предложил Керим Шах. — У меня военное преимущество...

— Пусть только один из твоих псов дотронется до тетивы, и я сброшу тебя в пропасть, — пообещал ему Конан. — Кроме того, тебе не пошло бы на пользу, если бы ты меня убил. Меня преследуют пятьсот афгулов, и если они увидят, что ты лишил их удовольствия поймать меня, они спустят с тебя шкуру. Кроме того, Дэви со мной нет. Она попала в руки Черных Прорицателей с Йимши.

— К Таруму! — тихо выругался Керим Шах, впервые теряя свою невозмутимость. — Хемса...

— Хемса мертв, — произнес Конан. — Его прежние господа спустили его в ад вместе с каменной лавиной. А теперь уйди с моей дороги. С радостью убил бы тебя, если бы имел время, но сейчас спешу на Йимшу.

— Я поеду с тобой, — ответил вдруг туранец.

Конан рассмеялся ему в лицо.

— Ты думаешь, я тебе доверяю, ты, гирканский пес?

— А я и не прошу об этом, — ответил Керим Шах. — Нам обоим нужна Дэви. Ты знаешь мои побуждения: король Ездигерд жаждет присоединить ее королевство к своей империи, а я — поместить ее в свой сераль. Я знаю тебя еще с того времени, когда ты был вождем степных разбойников, и знаю, что тебя интересует, — грабежи на большой дороге. Ты хочешь опустошить Вендию и потребовать от них огромный выкуп за Жасмину. Может, мы на время, не питая никаких иллюзий относительно друг друга, объединимся и попробуем вырвать Дэви из рук колдунов? Если нам это удастся, и мы останемся в живых, то решим в поединке, кому она достанется.

Киммериец какое-то время смотрел на него, сузив глаза, потом, кивнув головой, отпустил его руку.

— Согласен. А как же твои люди?

Керим Шах повернулся к молчащим иракзяям и коротко произнес:

— Этот человек и я намерены отправиться на Йимшу и сражаться с чернокнижниками. Едете с нами или остаетесь и даете возможность афгулам, которые идут по пятам за своим вождем, содрать с себя шкуру?

Они посмотрели на Керим Шаха с угрюмой покорностью. О том, что пропали, они знали еще с момента, когда свистящие стрелы дагозаев принудили их к бегству с перевала Шализах. Слишком часто вспыхивали распри между людьми из долины Зхабар и жителями гор. Их отряд был слишком невелик, чтобы они без помощи ловкого туранца могли мечтать прорваться к приграничным деревням. Они уже считали себя мертвецами, поэтому дали ему ответ, который могли дать только пропащие люди:

— Мы пойдем с тобой, чтобы умереть на Йимше.

— Значит, в путь, во имя Крома! — произнес Конан, беспокойно оглядываясь вокруг и приглядываясь к темно-синим теням опускавшегося сумрака. — Эти афгульские волки были в двух часах езды за мной, но мы сейчас потеряли слишком много времени.

Керим Шах тронул с места коня, спрятал меч в ножны и осторожно развернулся. Через минуту все двинулись в гору так быстро, как только было возможно. Наконец, они выехали на хребет в миле от того места, где Хемса задержал Конана и Жасмину. Тропинка, которой они

приехали, даже для горцев была довольно опасной, и поэтому Конан с Жасминой избрали другую дорогу. Керим Шах поехал по ней только потому, что думал, что и киммериец сделает то же самое. Даже Конан вздохнул с облегчением, когда кони проехали последний поворот. Они ехали, словно череда призраков, меряющих заколдованное королевство теней. Только тихий скрип кожаной упряжи и побрякивание металла давали знать об их присутствии, а через какое-то время мрачные горные склоны снова опустели, голые и молчаливые в свете звезд.

8. ЖАСМИНА ПОЗНАЕТ УЖАС

Жасмина успела только один раз вскрикнуть, когда оказалась втянутой в багровый водоворот, который с чудовищной силой оторвал девушку от ее защитника. Она вскрикнула один раз, а на большее ей не хватило дыхания. Жасмина была ослеплена, оглушена, лишилась дара речи, а затем и вообще всех чувств, оказавшись в середине этого ужасного движения масс воздуха. Она смутно сознавала, что находится на страшной высоте и движется с ошеломляющей скоростью. Ей показалось, что все ее чувства смешались, она почувствовала дурноту и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, воспоминание о перенесенном было еще так живо, что Жасмина громко вскрикнула и вскинула руки, словно защищаясь от падения. Ее пальцы сжали мягкую ткань, и девушка почувствовала глубокое облегчение. Она огляделась вокруг.

Жасмина лежала на подиуме, покрытом черным бархатом, в огромной мрачной комнате со стенами, увешанными темными гобеленами, на которых с поразительной достоверностью были изображены извивающиеся тела драконов. Высокий свод комнаты тонул в густом полумраке, а тени, залегшие в углах, создавали ощущение зловещего ужаса. На первый взгляд казалось, что здесь нет окон и дверей или что они скрыты за этими кошмарными гобеленами. Жасмина не могла понять, откуда сочится слабый свет, позволяющий увидеть все подробности. Огромная комната была царством тайн, теней и мрачных углов, из которых, казалось, полз неясный удушливый страх.

Наконец Жасмина увидела что-то, принадлежащее к живому миру. В нескольких футах от нее, на втором, чуть меньшего размера возвышении, скрестив ноги сидел мужчина, задумчиво поглядывая на нее. Длинная тога из черного бархата, шитого золотом, окутывала его тело. Руки были скрыты рукавами одеяния, на голове — бархатная шапка. Лицо было спокойным, кротким и довольно привлекательным, глаза — блестящими и вместе с тем как бы немного затуманенными. Он с каменным выражением лица приглядывался к Жасмине и совсем никак не отреагировал на то, что она пришла в себя.

От страха Жасмину начало знобить. Она оперлась на локти и посмотрела на незнакомца.

— Кто ты? — спросила она. Ее голос звучал неуверенно и беспомощно.

— Я — властелин Йимши, — ответил человек глубоким, звучным голосом, напоминающим спокойные удары колоколов храма.

— Зачем ты меня сюда доставил? — спросила она.

— Разве ты не искала меня?

— Если ты — один из Черных Колдунов, то да! — дерзко ответила она, убежденная, что он и так читает ее мысли.

Человек тихо засмеялся, а Жасмину снова охватил озноб.

— Ты хотела направить детей гор против колдунов Йимши! — рассмеялся он. — Я вижу это в твоих мыслях, княжна. Твой слабый человеческий рассудок переполняют смешные мечты о мести!

— Вы убили моего брата! — в голосе Дэви растущий гнев боролся со страхом. Она сжала кулаки и окаменела от злости. — Зачем вы это сделали? Он не причинил вам ничего плохого. Жрецы говорят, что Колдуны Йимши выше человеческих дел. Зачем вы убили короля Вендии?

— Как может простой смертный понять мотивы колдунов? — холодно ответил властелин. — Мои прислужники в храмах Турана, приобретшие власть над жрецами Тармиа, настаивали, чтобы я действовал в пользу короля Ездигерда. По определенным причинам я согласился. Как я должен объяснять причины, побудившие меня к этому, чтобы ты поняла их

своим слабым умом? Ты все равно не поймешь.

— Я понимаю одно: мой брат мертв! — выкрикнула Жасмина с болью и ненавистью. Она поднялась на колени и пронизывала его взглядом широко открытых глаз, как пантера приготовившись к прыжку.

— Так пожелал Ездигерд, — холодно согласился ее собеседник. — Мой временный каприз поддержал его притязания.

— Ездигерд твой вассал? — Жасмина пробовала скрыть охватившие ее чувства. Она только что наткнулась коленом на что-то твердое и симметричное, скрытое фалдами бархата, незаметно переменяла позу и засунула руку под покрывало.

— Разве пес, пожирающий объедки под стеной храма, может быть вассалом бога? — ответил владыка.

Казалось, он не видит незаметных движений девушки. Под фалдами покрывала ее рука тем временем нашарила что-то, показавшееся ей рукояткой стилета. Жасмина наклонила голову, чтобы скрыть блеск триумфа в глазах.

— Но хватит с меня Ездигерда, — сказал властелин. — Я нашел себе лучшее развлечение... Ха!

Жасмина прыгнула как кошка, с диким криком, стараясь нанести убийственный удар. Вдруг она споткнулась и упала на пол, прильнула к нему, глядя на человека, чуть было не ставшего ее жертвой. Тот сидел на подиуме, даже не шевельнувшись, с его лица не сходила загадочная улыбка. Жасмина подняла дрожащую руку и взглянула на нее широко раскрытыми глазами. В ее руке был не стилет, а цветок золотого лотоса с помятыми лепестками и сломанным стеблем.

Она отшвырнула лотос, словно это была ядовитая змея, на коленях отползла от колдуна и вернулась на свой подиум, не без оснований полагая, что это более пристало королеве, нежели ползание по полу у ног чернокнижника. Жасмина взглянула на него с ужасом, ожидая реакции.

Но властелин не шелохнулся.

— Вся материя одинакова для того, кто располагает ключами от врат Космоса, — загадочно изрек он. — Для сведущих в Искусстве нет вещей неизменных. По его воле в неземных садах зацветает сталь или цветок сверкает острием меча в лунном свете.

— Ты дьявол! — всхлипнула она.

— Нет! — засмеялся он. — Я родился на этой планете очень давно. Когда-то я был обыкновенным человеком, и на протяжении долгих эонов служения Искусству не утратил всех признаков человеческого. А человек, углубившийся в Черное Искусство, сильнее дьявола. Я человек, но царю над демонами. Ты видела Господ из Черного Круга, и если бы я сказал тебе, из каких отдаленных королевств я призвал их и от какой судьбы охраняют их мой заколдованный кристалл и золотые змеи, ты потеряла бы рассудок от ужаса. И только я один — их господин. Мой глупый Хемса мечтал о величии — бедный глупец, разбивающий ворота и переносящийся вместе со своей любовницей по воздуху с вершины на вершину! Но если бы я его не убил, в один прекрасный день он смог бы стать таким же могучим, как и я.

Колдун снова рассмеялся.

— А ты, глупое создание, строила козни, желая отрядить своего волосатого вождя горцев на покорение Йимши! Это прекрасная шутка, если бы мне это пришло в голову раньше, я сам постарался бы, чтобы ты попала к нему в руки. И я читаю в твоих мыслях, что даже тогда, когда он схватил тебя, ты не отказалась от мысли сделать его своим орудием, намереваясь использовать всякие свои женские штучки. Но если не принимать во внимание твою глупость, все же ты — женщина, на которую приятно посмотреть. Я намерен задержать тебя как свою невольницу.

— Не посмеешь! Его издевательский смех стегнул ее как кнут.

— Король не посмеет растоптать червяка на своей дороге? Глупенькая, ты не понимаешь, что твоя королевская гордость значит для меня не более, чем стебелек соломы на ветру. Я, целовавший царицу ада! Ты видела, как я расправляюсь с теми, кто мне сопротивляется.

Съезжившаяся от страха девушка стояла на коленях на бархатном покрывале. Свет померк, в комнате потемнело. Лицо властелина стало ужасным. В его голосе появились повелительные нотки.

— Никогда тебе не покорюсь! — сказала она дрожащим от страха, но решительным голосом.

— Покоришься, — ответил колдун с жесткой самоуверенностью. — Страх и боль приучат тебя к покорности. Я буду стегать тебя ужасом и кошмаром до предела твоей выносливости, пока ты не станешь в моих руках, словно воск, мягкой и податливой каждому пожеланию. Ты изведешь страдания, которых не довелось перенести ни одной смертной, пока каждый мой приказ не станет для тебя волей богов. Вначале, чтобы унять твою гордость, я верну тебя в твое далекое забытое прошлое, в твои предыдущие воплощения. Айе, уил ла кхоза!

При этих словах мрачная комната словно зашевелилась перед глазами испуганной Жасмины. Волосы у нее на голове встали дыбом, а язык примерз к небу. Откуда-то долетел глубокий, зловещий удар гонга. Драконы на гобеленах, извергнув голубое пламя, исчезли. Сидящий на подиуме властелин превратился в бесформенную тень. Серый полумрак сменился густой, мягкой, почти осязаемой темнотой, пульсирующей странным светом. Жасмина уже не могла разглядеть властелина. Она ничего не видела. Только неясно ощущала, что стены и потолок отдаляются от нее, исчезают.

Потом где-то в темноте появилось пламя, то вспыхивающее, то гаснущее как светлячок. Оно превратилось в золотой шар, и по мере того, как оно росло, сияло все ярче. Потом шар вдруг разлетелся дождем искорок, которые тем не менее не рассеивали мглы. В комнате все же остался слабый отблеск, позволяющий заметить черный гибкий пень, растущий из каменного пола. На глазах ошеломленной Жасмины пень выпустил отростки, принял реальные очертания, на отростках появились ветки, широкие листья и огромные, черные отравляющие цветы, склонившиеся над сжавшейся на подиуме девушкой. В воздухе стоял еле ощутимый запах. Это страшный черный лотос в мгновение ока вырос из каменной плиты так, как он вырастал в таинственных джунглях Китая.

Широкие листья колыхались со зловещим шелестом. Цветы склонялись над Жасминой как разумные создания, танцую змеиными движениями на бледных стеблях. Еле различимые на фоне густой непроницаемой тьмы, они вздымались над ней как гигантские бабочки, каким-то непонятным способом давая ощутить свое присутствие. Их одуряющий запах кружил голову, и Жасмина попробовала сползти с подиума, но тут же судорожно прильнула к нему, когда пол наклонился под невероятным углом. Дэви с ужасом вскрикнула и судорожно сжала руки, но страшная сила разжала ее пальцы. У нее было ощущение, что она потеряла рассудок, а весь мир рассыпался до основания. В черной ревущей ледяной пустыне она была лишь дрожащим атомом разума, уносимым ветром, который грозил задуть слабое пламя ее жизни, как дыхание бури гасит горящую свечу.

Потом она ощутила внезапный импульс и движение, когда атом, в который она превратилась, смешался и слился с мириадами других атомов, рождая жизнь в бродящем болоте первобытной жизни. Уминаемая созидателями ладонями Природы, она вновь превратилась в мыслящую единицу, медленно кружащуюся по бесконечной спирали своего существования.

Охваченная ужасом, она увидела и узнала свои предыдущие воплощения и вновь воплощалась во все тела, в которых во все эти века помещалось ее «я». Она вновь ранила свои ноги на длинной, изнурительной дороге воплощений, увлекшей ее в забытое прошлое. Вновь,

дрожа, сжималась она в первобытных джунглях еще до начала Времен, догоняемая кровожадными существами. Одетая в шкуры, брела она по колено в воде по болоту рисового поля, сражаясь за ценные зерна с догоняющими ее птицами. Она билась с парой мулов, разрыхляя заостренными кольшками неподатливую землю, и бесконечно наклонялась над ткацким станком в деревенских хижинах.

Она видела пылающие города и с криком убегала от убийц. Бежала, нагая и окровавленная, по горячему песку, ее тащили на аркане ловцы рабов, она узнала жгучие прикосновения грубых рук к ее телу, стыд и муку внезапного желания. Она кричала под ударами кнута, стонала, пробитая колом, сойдя с ума от ужаса, вырывалась от палача, неумолимо клонящего ее голову на окровавленный пень.

Она узнала родовые муки и горечь преданной любви. Перенесла все мучения, обиды и несчастья, которые мужчина причинял женщине на протяжении эонов, перенесла презрение и злобу, которыми женщина может одарить женщину. И все время она сознавала, кем является, хоть это сознание жгло, как удары кнута. Будучи всеми этими созданиями, которыми была в прошлом, вместе с тем она знала, что она — Жасмина. Ни на секунду не теряла она этого знания. Она являлась одновременно нагой рабыней, согнувшейся под ударами бича, и гордой владычицей Вендии. И страдала не только как рабыня, но и как Дэви Жасмина, чей гордый характер ощущал удары бича как прикосновения раскаленного железа.

Одна жизнь срослась с другой в бурлящем хаосе, а каждая следующая несла свое бремя несчастий, стыда и страданий, и так было, пока она не услышала словно издали свой пронзительный крик, словно один долгий крик боли, эхом несущийся сквозь века.

Очнулась она на покрытой бархатом постели в темной комнате.

В кошмарной полумгле она вновь увидела подиум и сидящую на нем фигуру в черном одеянии. Слегка склоненную голову сидящего прикрывал капюшон, а его узкие плечи едва вырисовывались в царящем здесь сумраке. Жасмина не различала деталей, но вид капюшона вместо бархатной шапочки пробудил в ней неясную тревогу. Она напрягла зрение и ощутила странный, перехватывающий дыхание страх: у нее появилось ощущение, что это не властелин так спокойно сидит поодаль...

Вдруг фигура шевельнулась и встала, поглядывая на нее сверху. Затем наклонилась и обняла ее длинными руками, скрытыми широкими рукавами черной тоги. Жасмина с молчаливой яростью сопротивлялась, изумленная и испуганная худобой обнимающих ее рук. Голова в капюшоне наклонилась к повернутому лицу девушки. Жасмина пронзительно вскрикнула, охваченная ужасом и отвращением. Ее упругое тело обнимали костлявые руки, а под капюшоном она увидела воплощение смерти и разложения — ужасный череп, обтянутый истлевшей, как древний пергамент, кожей.

Жасмина вскрикнула еще раз, и потом, когда лязгающие ощеренные челюсти приблизились к ее устам, потеряла сознание.

9. ЗАМОК КОЛДУНОВ

Солнце встало над белыми пиками Химелианских гор. У подножия высокого склона остановилась группа всадников. Они смотрели вверх. Высоко над ними на крутой каменной стене возвышалась каменная башня. За ней и над ней виднелись стены гигантской твердыни. Там уже начиналась линия снегов, покрывающих вершину Йимши. Во всей картине был оттенок нереальности: пурпурные склоны, вздымающиеся к этому фантастическому замку, игрушечному на расстоянии, и над всем — белый сверкающий пик на фоне холодной синевы.

— Лошадей оставим здесь, — буркнул Конан. — Этот предательский подъем лучше преодолеть пешими. Кроме того, лошади устали до предела.

Он спрыгнул с черного скакуна, который стоял, расставив ноги и опустив голову. Всю ночь они скакали вперед, подкрепляясь остатками пищи из седельных сумок, и останавливаясь только чтобы дать необходимый отдых лошадям.

— В этой башне, передней, живут прислужники Черных Прорицателей, — сказал Конан. — По крайней мере, так говорят люди. Это сторожевые псы своих хозяев, младшие колдуны. Они не станут зевать, когда увидят, как мы поднимаемся по склону.

Керим Шах взглянул вверх на гору, затем обратно на дорогу, по которой они прибыли сюда. Они уже были достаточно высоко на склоне Йимши, под ними тоже были скалы, огромное пространство, усеянное скалами и пиками меньшего размера, простиралось сзади чуть ли не до горизонта. Туранец напрасно искал среди этого лабиринта движение цветных пятен, которое выдало бы присутствие людей. Надо полагать, преследователи-афгулы потеряли ночью след своего вождя.

— Тогда пойдем!

Привязав усталых коней в роще тамарисков, они молча двинулись вверх по склону. Теперь они были прекрасно видны на голом склоне; за небольшими валунами человек укрыться не мог бы. Хотя другие существа, пожалуй, могли бы укрыться и здесь...

Они не успели пройти и полусотни шагов, когда из-за россыпи валунов вырвалась рычащая тварь. Пасть ее сочилась пеной, глаза налились кровью. Конан шел первым, но зверь не бросился на него. Проскользнув под рукой киммерийца, он прыгнул на Керим Шаха. Туранец отпрянул в сторону, и зверь

— огромный пес — рухнул всей тяжестью на идущего следом иракзя. Воин вскрикнул, закрывая лицо руками. Тварь опрокинула его на спину, вцепившись в руку, но уже через мгновение упала, сраженная ударами десятка сабель. И все же она не прекращала тянуться к горлу ближайшего из воинов, пока не была разрублена на куски.

Керим Шах перевязал раненому разодранную руку, пристально взгляделся в его побледневшее лицо и отвернулся, не сказав ни слова. Помолчав, он подошел к Конану, кивнул, и подъем продолжался.

Только через несколько минут Керим Шах произнес:

— Странно, что пастуший пес забрался так высоко.

— Да, жрать здесь нечего, — согласился киммериец.

Они оглянулись и снова посмотрели на раненого воина, идущего следом за ними. Его смуглое лицо было покрыто потом и пылью, кривящиеся от боли губы обнажали зубы. Конан переглянулся с Керим Шахом и они повернулись к возвышающейся перед ними башне.

На вершинах было тихо и как-то сонно. Ни на башне, ни на стенах похожего на пирамиду здания, стоявшего за ней, не было видно ни одного движения. Устремившись туда, они шли в напряженном молчании, словно к вершине дремлющего вулкана. Керим Шах снял с плеча

огромный лук, из которого разил без промаха за пять сотен шагов. Иракзаи невольно потянулись за своими луками, хотя те были и поменьше и били на значительно меньшее расстояние.

Но они не успели подойти к башне и на пятьсот шагов, когда что-то неожиданно рухнуло на них с безоблачного неба. Странная тень пронеслась так близко от Конан, что он почувствовал на лице прикосновение крыльев, но не он, а следующий за ним в строю иракзай вдруг вскрикнул, покачнулся и упал, истекая кровью. Сонная артерия его была разорвана, кровь била толчками, а сокол, раскинув крылья, сверкающие на солнце, как полированный металл, уже снова взмыл в небо. Его клюв, изогнутый, как сабля, был окровавлен. Запела тетива Керим Шаха, сокол замер на мгновение и камнем рухнул вниз. Но никто не смог сказать, куда упала птица.

Конан наклонился над упавшим спутником, но тот уже был мертв. Никто ничего не сказал, не было смысла обсуждать этот случай. Все знали, что соколы никогда не нападают на людей. В диких иракзаях бешеная жажда мести сражалась с чувством обреченности. Сжимая луки волосатыми руками, они смотрели на башню, словно пытаясь взглядами разрушить ее. А башня словно отвечала презрительным пренебрежением ничтожным людишкам, пытающимся потревожить ее покой.

Но следующее нападение, тем не менее, не заставило себя ждать. Конан увидел, как из-за края стены выкатилось облачко белого дыма и поплыло вниз по склону. За ним появились и другие. Они выглядели безобидными, как шарики мутноватой пены, но Конан все же отодвинулся в сторону, избегая столкновения с ними. Один из иракзаев, идущих следом, выхватил саблю и нанес быстрый удар по первому облачку. Раздался оглушающий грохот. Облачко исчезло в слепящей вспышке, а от дерзкого иракзая осталась только груда обугленных, дымящихся костей. Почерневшие фаланги пальцев все еще сжимали рукоять из слоновой кости, а острие меча расплавилось и наполовину испарилось в страшном огне. Но воины, стоявшие рядом, совершенно не пострадали, и были лишь потрясены и слегка контужены близким взрывом.

— Они взрываются от прикосновения металла, — прошептал Конан. — Смотри, еще летят!!

Склон над ними был почти скрыт скатывающимися дымными шариками. Керим Шах натянул тетиву и послал стрелу в самую гущу облачков. Пробитое стрелой облачко лопнуло, как мыльный пузырь, плюясь огнем во все стороны. Примеру Керим Шаха последовали остальные иракзаи, и через несколько минут на склоне бушевала буря, гремел гром, сверкали молнии, дождем сыпались искры. Когда последнее облачко перестало существовать, в колчанах воинов осталось не так уж и много стрел.

Отряд продолжал стремительный, яростный подъем по обугленной почерневшей земле, стараясь огибать те места, где скала превратилась в кипящее стекло от огня взрывов.

Наконец, они оказались на расстоянии полета стрелы от башни и растянулись в длинную цепочку, тревожно оглядываясь по сторонам, пытаясь угадать, какую еще западню могут подстроить защитники башни.

На стене появилась одинокая фигура, несущая десятифутовый бронзовый рог. Хриплый рев, прокатившийся по склону, был похож на звуки трубы в Судный День. Из подземных глубин ему ответил глухой рокот и невнятный шум. Земля покачнулась под ногами воинов.

Иракзаи зашатались как пьяные на вздрогнувшем склоне, испуская крики ужаса. Конан, сверкая бешенством в глазах, бросился как вихрь вверх по склону, прямо к двери в стене, на ходу извлекая из ножен кинжал. Керим Шах спокойно натянул тетиву и выпустил еще одну стрелу.

Только туранец мог сделать такой выстрел. Звук рога внезапно смолк, послышался пронзительный, полный боли крик. Стоящая на башне фигура в зеленой одежде адепта зашаталась, хватаясь за торчащее из груди длинное древко, потом перевалилась через парапет и рухнула вниз. Огромный рог выпал из ее рук, покатился по парапету и замер на самом краю.

Вторая фигура в зеленой тоге выскочила из глубины башни и подбежала к краю стены, чтобы схватить рог. Снова запела тетива, и снова этом ей ответил вопль агонии. Второй прислужник, падая, задел рог, тот рухнул со стены вместе с ним и разлетелся на куски у подножия башни.

Конан с такой скоростью промчался через пространство отделяющее его от двери, что эхо от грохота упавшего рога еще не смолкло, а он уже бил острием кинжала в толстые доски. В следующую секунду он инстинктивно отпрянул и оказался прав — сверху вылили расплавленное олово. Конан снова бросился к двери, атакуя ее с удвоенной яростью и думая, что если защитники прибегли к таким обычным методам обороны, то, возможно, запас колдовских приемов учеников исчерпался? Эта приятная мысль придала ему новые силы.

По склону подбежал Керим Шах, за ним — уцелевшие иракзаи. На бегу они выпускали стрелы, которые со свистом перелетали куда-то за стену, а иногда разбивались о зубцы стен.

Толстые тиковые доски уступили под ударами киммерийца. Дверь рухнула. Конан осторожно заглянул внутрь, приготовившись к худшему. Внутри он увидел овальную комнату и ведущую наверх крутую лестницу. В противоположной стене помещения была широко распахнутая дверь, за ней спуск — и спины нескольких людей, одетых в зеленое, убегающих изо всех сил.

Конан радостно взвыл и прыгнул внутрь, но тут же замер и отскочил назад. Вовремя — огромный каменный блок рухнул как раз на то место, где он стоял перед этим. Киммериец побежал вдоль стены, криками призывая остальных следовать за ним.

Ученики Прорицателей покинули первую линию обороны. Когда Конан оббежал башню, он увидел их зеленые силуэты высоко вверху. Дыша жаждой мести, он помчался вслед за ними, а Керим Шах с иракзаем и мчались за ним по пятам. Минутный триумф заставил их забыть о привычном фатализме, а при виде убегающих врагов они просто завывали от радости, как волчья стая.

Башня стояла на краю узкого плато, едва заметно склоненного к долине. Через несколько сот шагов плато вдруг заканчивалось глубокой расщелиной, дна которой не было видно. В эту расщелину и прыгнули адепты, не замедляя бега. Преследователи едва успели заметить их развевающиеся зеленые одежды, исчезающие за краем пропасти.

Пару минут спустя Конан со спутниками уже стоял на краю трещины, отделяющей их от логова Черных Прорицателей. Насколько видел глаз, в обе стороны простиралась пропасть шириной в тысячу и глубиной в пятьсот футов, с почти вертикальными стенами, вероятно, идущая вдоль всей вершины Йимши. Она до краев была наполнена странным искрящимся туманом.

Конан заглянул вглубь и чертыхнулся. Он заметил одетых в зеленое учеников, поспешно идущих по сверкающему, словно расплавленное серебро, дну пропасти. Их силуэты смазывались и расплывались, как будто Конан смотрел сквозь толщу воды. Адепты шли цепочкой, направляясь к противоположной стене обрыва.

Керим Шах натянул лук и выпустил пронзительно засвистевшую стрелу. Но она, попав в туман, казалось, внезапно потеряла скорость и упала далеко в стороне от цели.

— Если они смогли спуститься туда, то и мы сможем! — сказал Конан Керим Шаху, с удивлением наблюдавшему за полетом своей стрелы. — Я видел, они прошли этим путем.

Напрягая взгляд, он заметил внизу что-то, напоминающее золотую нить, растянувшуюся по всей ширине каньона. Прислужники шли вдоль этой нити, и вдруг киммериец припомнил казавшиеся ему ранее непонятными слова Хемсы: «Держись золотой жилы!» Наклонившись, он увидел на краю расщелины тонкую полосу сверкающего золота: это жила золотого месторождения, лежащего прямо на поверхности, сбегала вниз и шла через серебряное дно ущелья. Он увидел кое-что еще, чего до сих пор не мог заметить из-за особенного преломления

света. Золотая жила шла вдоль платформы, спускающейся в самый низ и снабженной углублениями для рук и ног.

— Ах, вот как они спустились вниз, — сказал Керим Шах. — Они, значит, не могут летать по воздуху. Пойдем за...

В эту минуту укушенный псом воин издал невнятный вопль, и оскалив зубы, бросился на Керим Шаха. Из его рта показалась пена. Туранец проворно, как кот, отскочил в сторону, а взбесившийся рухнул головой вниз в пропасть. Остальные иракзаи подбежали к краю пропасти и с изумлением заглянули вниз. Воин не пошел вниз камнем, а медленно плыл сквозь розовую мглу, как человек, погружающийся в воду. Конечности его судорожно дергались, а пунцовое, искаженное конвульсиями лицо выражало скорее боль, чем бешенство. Наконец он упал на блестящее дно пропасти и остался недвижим.

— В этой расщелине нас подстерегает смерть, — пробормотал Керим Шах, отшатнувшись от розовой мглы, которая доставала ему до ног. — А что теперь, Конан?

— Идем дальше, — угрюмо ответил киммериец. — Эти прислужники — обычные люди. Если мгла не убила их, она не убьет и нас.

Он подтянул свой пояс и невольно дотронулся при этом до пояса, подаренного Хемсой. Конан насупил брови и мрачно улыбнулся. Он совсем забыл об этом поясе, и все же тот трижды спасал его, подставляя другие жертвы.

Прислужники достигли противоположной стены и ползли по ней, как большие зеленые мухи. Конан взошел на платформу и стал осторожно спускаться. Розовая туча окутала его ноги и поднималась все выше по мере того, как он опускался по платформе. Она доставала до его колен, до бедра, потом до пояса и плеч. Он ощущал ее вокруг себя, как густой туман во влажную ночь. Когда она уже доставала до шеи, он заколебался, а потом с головой окунулся во мглу. Тотчас он стал задыхаться. Неумолимая сила не давала ему вздохнуть, сжав ребра в смертельном объятии. Конан отчаянно подпрыгнул, борясь за жизнь. Он выставил голову на поверхность и стал жадно хватать ртом воздух.

Керим Шах наклонился над ним и что-то говорил, но Конан его не слушал и не обращал на него внимания. Он мысленно перебирал в памяти указания умирающего Хемсы. Он попробовал нащупать золотую жилу и обнаружил, что, спускаясь, сошел с нее. Конан заметил ряд углублений в платформе, встал точно на жилу и стал спускаться вновь. Розовая мгла снова окутала его. Голова его тоже окунулась во мглу, но, стоя на золотой жиле, он по-прежнему мог дышать. Конан увидел наверху лица глядящих на него товарищей, слегка размытые в блестящей мгле. Он жестом приказал им следовать за собой и стал быстро спускаться, не ожидая, пока они последуют его примеру.

Керим Шах молча вернул меч в ножны и пошел следом за киммерийцем. Иракзаи поспешили за Керим Шахом. Они больше боялись потерять предводителя и проводника в одном лице, чем опасностей, которые могли подстерегать их в этой расщелине. Они держались золотой жилы, как показал им киммериец. Воины спустились на дно пропасти и пошли по серебристой равнине, ступая по золотой полосе, как люди, идущие по проволоке над пропастью. Они шли словно по невидимому тоннелю, наполненному воздухом, а со всех сторон их окружала смерть.

Тропинка, по которой скрылись прислужники, вела к платформе по другую сторону расщелины и исчезала за ее краем. Они двинулись туда, подготовившись к встрече с неизвестной опасностью, таящейся среди острых камней, которыми был усыпан край обрыва.

Прислужники, одетые в зеленые одежды, вооруженные длинными ножами, ждали их там. Возможно, убегая, они достигли какой-то границы, которую не могли переступить. Может, стигийский пояс, которым был опоясан Конан, был причиной тому, что их заклятья оказались бессильными. А может, зная, что за поражение они будут наказаны смертью, они решили

использовать последний шанс. С ножами в руках они выскочили из-за скал.

Среди потрескавшихся камней началась кровавая битва, оружием в которой было не искусство чернокнижников, но обычные ножи. Звенела сталь, со свистом опускались лезвия, рассекая тела. Мускулистые руки наносили могучие удары, лилась кровь, а тела упавших топтали сражающиеся.

Один из иракзаев истек кровью и умер, но прислужники полегли все до одного. Изрезанные, разрубленные на куски, они были сброшены в пропасть и медленно опускались на сверкающее серебром дно.

Победители, стерев с лица кровь, огляделись. Кроме Конана и Керим Шаха, еще четверо иракзаев вышли из битвы невредимыми.

Они стояли меж потрескавшихся скал, образовавших зубчатый край расщелины. Вьющаяся отсюда по невысокому склону тропка вела к широкой лестнице из полудюжины ступеней сотни футов шириной, высеченных из зеленого вещества, напоминающего нефрит. Ступени вели на широкую галерею из такого же полированного материала, а за ней, этаж за этажом, вздымался замок Черных Прорицателей. Казалось, что его вырубili из одной отвесной скалы ущелья. Архитектура замка была прекрасной, хоть и была лишена украшений. Окон было немного, и они были закрыты ставнями. Негде не было признаком жизни, ни одного дружественного или враждебного существа.

Не говоря ни слова, осторожно, они пошли по тропе — словно люди, приближающиеся к змеиному логову. Иракзаи шагали словно в трансе, будто шли на верную смерть. Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не сознавал, каким неслыханным нарушением традиций были их действия, какую огромную брешь они пробили в общепринятых взглядах. Он был не с Востока, его породила раса, сражавшаяся с демонами и чернокнижниками так же ожесточенно и успешно, как с прочими врагами людей.

Он взошел по блестящим ступеням и сквозь широкую зеленую галерею подошел к обитой золотом двери из тикового дерева по другую ее сторону. Конан окинул внимательным взглядом верхние этажи вздымающейся над ним огромной пирамиды замка, протянул руку к медной ручке двери, но с кривой усмешкой задержал руку на полпути. Ручка была в форме змеи с выгнутой шеей и поднятой головой. Конан заподозрил, что металлическая тварь может ожить от прикосновения.

Одним ударом он отрубил ручку, и ее медный звон от падения на камень ничуть не рассеял его подозрения. Конан отбросил ее ножом и вновь повернулся к двери. Вокруг царила полная тишина. Розовая мгла окутывала далекие вершины. Солнце блестело на покрытых снегом пиках гор. Высоко вверху повис ястреб, как черная точка в небесной сини. Кроме него единственными живыми существами были люди, стоящие перед обитой золотыми листьями дверью, — маленькие фигурки на галерее из зеленого нефрита на склоне огромной горы Йимша.

По ним хлестнул порыв холодного ветра, прилетевшего с ледников, развевая обрывки их одежды. Нож Конана, ударяющий в массивную дверь, вызывал гремящее эхо. Киммериец бил раз за разом, пробивая металлические листы и тиковое дерево. Через минуту он осторожно заглянул сквозь пробитое отверстие внутрь. Конан увидел просторную комнату с голыми стенами из шлифованных камней и мозаичным каменным полом. Единственной мебелью здесь были столики из полированного эбенового дерева и каменное возвышение. Нигде не было ни души. В противоположном углу комнаты он заметил следующую дверь.

— Оставь стражника у дверей, — сказал он. — Идем внутрь.

Керим Шах приказал одному из воинов стать на страже. Тот с луком наготове вернулся на середину галереи. Конан вошел в замок, за ним шли туранец и три оставшихся иракзаев. Страж у

двери плюнул, пробормотал что-то себе под нос и вздрогнул, услышав тихий издевательский смех. Подняв голову, он увидел на втором этаже одетую в черное фигуру, презрительно поглядывающую на него и издевательски качающую головой. Иракзай быстро натянул тетиву и пустил стрелу. Стрела мелькнула и впилась в обтянутую черным одеянием грудь. Колдун, продолжая издевательски смеяться, вырвал стрелу из тела и небрежным жестом швырнул ее лучнику. Воин отпрыгнул, инстинктивно выставил руку. Его пальцы сомкнулись на кувыркающемся в воздухе древке.

В следующий миг иракзай пронзительно вскрикнул. Деревянная стрела в его руке стала извиваться. Прямая древесина вдруг стала гибкой, словно растаяла в руке. Он попробовал отшвырнуть это от себя, но было поздно. Холодные кольца обвили вокруг запястья, а мерзкая клиновидная головка поползла к мускулистому плечу. Воин еще раз крикнул, лицо его набрякло и покраснело, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. В страшных конвульсиях он сполз на землю и замер.

Мужчины, уже было вошедшие в замок, бросились назад. Конан быстро подошел к высаженным дверям и стал как вкопанный, ничего не понимая. Товарищам, смотревшим на это, казалось, что киммериец сражается с воздухом. Не видя перед собой никакой преграды, он все же ощутил под пальцами скользкую, гладкую поверхность и понял, что выход закрыт кристаллической плитой. Он видел сквозь нее неподвижно лежащего стражника с оперенной стрелой в плече.

Конан поднял кинжал и ударил, а глядевшие на него в остолбенении товарищи увидели, как острие отскакивает от невидимой преграды с громким звоном, словно сталь натывается на твердое вещество. Конан прекратил дальнейшие попытки пробиться. Он знал, что даже легендарный меч Амир Курума не смог бы сокрушить эту невидимую преграду.

В нескольких словах он объяснил это Керим Шаху. Туранец пожал плечами:

— Что ж, если возвращение нам отрезано, мы должны искать другой путь. Значит, идем вперед, не так ли?

Кивнув головой, Конан повернулся и зашагал к двери по другую сторону комнаты, чувствуя, что идет навстречу неизбежной смерти. Он поднял кинжал, чтобы ударить в дверь, но она тихо отворилась, словно имела на то свою волю. Конан перешагнул через порог и оказался в огромном зале. Вдоль его стен тянулись блестящие колонны, а в ста футах от двери начинались широкие нефритовые ступени лестницы, сужающейся кверху, словно пирамида. Он не знал, что находится дальше, но чтобы взойти по ступеням, ему нужно было пройти мимо странного алтаря из черного как уголь камня. Четыре огромные золотые змеи вились вокруг по четырем углам, выставив клиновидные головы, обращенные к четырем сторонам света, как стражи легендарных сокровищ. Но на алтаре, который они стерегли, покоился только хрустальный шар, наполненный чем-то вроде дыма, в котором плавали четыре золотых плода граната.

Это зрелище пробудило что-то в памяти Конана, но он не стал вдумываться, что именно, потому что на нижних ступеньках лестницы увидел четырех, одетых в черное, людей. Он не заметил, как пришли Прорицатели, они просто возникли здесь, согласно кивая птичьими головами, высокие и худые, руки и ноги их были скрыты под фалдами многочисленных одеяний.

Один из них поднял руку, рукав тоги сполз, открывая ее... Это вовсе не была рука. Вопреки своей воле, Конан задержался на полушаге. Он встретил силу, не похожую на силу Хемсы, и не в силах был сделать ни шагу вперед, Хотя ощущал, что может отступить назад, если захочет. Его друзья тоже остановились, они выглядели еще более беспомощными, чем он, будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Чародей с поднятой рукой кивнул одному из иракзаев, и тот как в трансе двинулся к нему, уставившись куда-то вдаль, держа свой меч в бессильно опущенной руке. Когда воин проходил

мимо Конана, тот, вытянув руку, загородил ему дорогу. Киммериец был намного сильнее иракзя, и в обычных условиях с легкостью смахнул бы его, как муху. Но сейчас воин оттолкнул его руку как стебелек травы, потом неровной механической походкой подошел к лестнице. Он дошел до ступеней и встал на колени, отдавая свой меч и наклоняя голову. Прорицатель взял у него оружие. Блеснуло острие на взмахе. Голова иракзя упала с плеч и с глухим стуком покатила по черному мраморному паркету. Из рассеченной артерии хлынула кровь, потом тело осело и, широко раскинув руки, распростерлось на полу.

Нечеловеческая ладонь вновь поднялась и позвала следующего иракзя, который, шатаясь, двинулся навстречу смерти. Жуткая сцена повторилась, и второе обезглавленное тело распростерлось рядом с первым.

Когда и третий воин прошел мимо Конана, направляясь к своей гибели, киммериец, у которого даже вены на висках вздулись от напрасных усилий преодолеть удерживающий его невидимый барьер, вдруг ощутил, что вокруг пробуждаются неизвестные, но благо приятные для него силы. Это ощущение пришло без подсказки, без предупреждения, но с такой силой, что он ни на секунду не усомнился в том, что подсказывал ему инстинкт. Левая рука киммерийца невольно прикоснулась к стигийскому поясу, подарку Хемсы. Конан сжал его и мгновенно ощутил новый прилив сил. Кровь разогрела окостеневшие руки, воля к жизни вспыхнула, как костер, а гнев запылал, как раскаленная добела сталь.

Третий иракзя упал без признаков жизни, а отвратительный палец уже качнулся снова, когда Конан почувствовал, что невидимый барьер рухнул. Из его горла вырвался дикий крик, и накопившаяся в нем злость нашла выход в молниеносной атаке. Как буря, ринулся он на Прорицателей, сжимая левой рукой пояс с той силой, с которой утопающий хватается за проплывающее рядом бревно. Длинное острие в его правой руке сверкало, как солнечный луч. Стоящие на ступеньке Прорицатели не шелохнулись. Если они и были удивлены, то виду не подали, смотрели равнодушно и хладнокровно. Конан не терял времени на напрасные раздумья, что сделать с ними, когда они окажутся в пределах досягаемости кинжала. Его охватила жажда убийства, он хотел только одного — вонзить лезвие в тело врагов, утопить его в их крови.

Он был уже в паре шагов от ступенек, на которых, издевательски усмехаясь, стояли Прорицатели. Он глубоко вдохнул, ярость росла в нем с каждой секундой. Он как раз пролетал мимо алтаря, обвитого золотыми змеями, когда, словно блеск молнии, его озарило воспоминание о таинственных словах Хемсы, и он услышал их снова, тихий, но явственный шепот: «Разбей хрустальный шар!»

Он отреагировал почти машинально. Между импульсом и действием не прошло и сотой доли секунды. Наивеличайшие из чародеев-чернокнижников не успели бы прочесть его мысли и помешать его поступку. Конан в прыжке изменил направление атаки и с силой опустил кинжал на хрустальный шар. Тотчас же он почувствовал почти осязаемое дыхание ужаса, плывущее от ступеней, от алтаря, и даже от самого хрусталя. Слух поразило пронзительное шипение золотых змей, которые вдруг ожили, и поднимая жуткие головы, попробовали, кусаясь, уберечь алтарь. Но разъяренный Конан был слишком быстр для них. Сверкающий клинок рассек извивающиеся тела одно за другим и ударил по хрустальному шару. С громовым раскатом кристалл взорвался, осыпаясь дождем огненных осколков на черный мрамор пола, а золотые плоды граната, словно освобожденные из пут, взмыли под высокие своды и исчезли.

Чудовищный, звериный вой сумасшедшим эхом прокатился по огромному залу. Четыре черные фигуры на ступенях извивались, корчились в конвульсиях, источая пену из посиневших губ. Внезапно нечеловеческий рев затих. Прорицатели не шевелились и Конан понял, что они мертвы. Он посмотрел на алтарь и хрустальные осколки. Безголовые тела золотых змей по-прежнему обвивали алтарь, но в металлических телах не осталось ни капли жизни.

Керим Шах, которого во время сражения Конана с Прорицателями невидимая мощь отбросила в сторону, медленно поднялся с пола. Он мотал головой, пытаясь избавиться от звона в ушах.

— Ты слышал странный звук, когда разбил шар? — спросил он. — Словно вместе с ним в замке разбились тысячи хрустальных зеркал. Похоже, в этих золотистых гранатовых плодах были заключены души Прорицателей, так ведь? Эй!

Конан резко обернулся, видя, как Керим Шах хватается за меч, показывая рукой за спину киммерийца.

На лестнице появился еще один Прорицатель. Он был одет в такую же черную тогу, как и Четверо, но из расшитого серебром бархата, а на голове у него была остроконечная шапка. На умном красивом лице было написано абсолютное, невозмутимое спокойствие.

— Кто ты, демоны тебя раздери? — мрачно спросил Конан, глядя на незнакомца.

— Я? Я — властелин Йимши и Химелианских гор, — спокойно ответил тот. Голос его был напоен жестокой радостью и звучал, как праздничный храмовый гонг.

— Где Жасмина? — спросил Керим Шах.

Властелин звонко расхохотался.

— Зачем тебе это знать, мертвый человек? Ты, наверное, слишком быстро забыл о моей мощи, маленькую частицу которой я уделил тебе? Ты прибыл сражаться со мной, бедный маленький глупый мертвый человек? Пожалуй, Керим Шах, мне следует вырвать у тебя сердце!

Он протянул руку раскрытой ладонью вперед, словно подставляя ее под что-то, что должно в нее упасть. Туранец пронзительно вскрикнул в предсмертной муке. Послышался треск ребер, звон лопающихся звеньев кольчуги, Керим Шах зашатался, как пьяный, и вдруг кожа на груди его лопнула, хлынул поток крови, и прорывая огромную дыру в мышцах и тканях, из тела туранца вылетел влажный алый комок — прямо в подставленную ладонь властелина, как притягиваемый сильным магнитом кусок железа. Керим Шах рухнул на пол и замер, а властелин Йимши со смехом бросил под ноги Конану еще бьющееся, живое сердце туранца.

Конан выругался и с рычанием бросился к лестнице. Из пояса Хемсы плыла струя силы и безграничной ненависти, помогающей преодолеть излучение чудовищной силы воли, с которой он столкнулся. В воздухе повисла отливающая металлическим блеском мгла, в которую он окунулся, словно пловец, опустив голову, прикрывая лицо согнутой левой рукой и крепко сжимая в правой руке кинжал. Напрягая слезящиеся глаза, чуть выше себя на ступеньках он различил фигуру ужасного чернокнижника — по этому изображению шли дрожащие волны, как будто Конан смотрел на него сквозь костер.

Его швыряли силы, трудно постижимые разумом, но он ощущал поддержку силы, струящейся из пояса, неудержимо несущей его вперед, в бой, против воли Прорицателя и его собственной слабости.

Он достиг вершины лестницы и сквозь серо-металлическую мглу увидел перед собой лицо Прорицателя. В его странно неуверенном взгляде вдруг мелькнул страх. Кона прорвался сквозь туман, как через волны прибоя, и кинжал в его мускулистой руке рванулся к противнику, как живущее отдельной, самостоятельной жизнью существо. Вдруг на глазах изумленного киммерийца чернокнижник исчез. Только мелькнула какая-то длинная, колеблющаяся тень.

Конан прыгнул за ней на узкую лестницу, ведущую еще выше. Он не смог бы сказать, что именно туда скользнуло, но бешеная ненависть приглушала охватившие его отвращение и страх.

Он пробежал по широким коридорам со стенами из полированного нефрита. Вот перед ним опять скользнула длинная тень и скрылась за плотной портьерой. Тотчас в глубине здания раздался испуганный женский крик. Этот крик заставил Конана поспешить, он помчался что было сил, и в следующий миг ворвался в комнату за портьерой.

Перед его глазами была ужасная картина. На краю покрытого бархатом возвышения сжалась Жасмина, крича от ужаса и отвращения, подняв руки, чтобы защититься от нависшей над нею головы змеи, медленно сворачивающей темные кольца, тускло поблескивающие чешуей. Со сдавленным криком Конан метнул в змею кинжал.

Гад молниеносно обернулся и бросился на него со скоростью ветра. Длинное лезвие вонзилось в его шею так, что рукоятка торчала с одной стороны, а лезвие — с другой, но это, казалось, только усилило ярость огромного гада. Он метнулся к человеку, осмелившемуся сопротивляться ему, и обнажив сочащиеся ядом клыки, попытался укусить его. Но в тот же миг Конан вырвал из-за пояса второй кинжал и изо всех сил ударил в отвратительную морду снизу вверх. Сталь пробила нижнюю челюсть гада и застряла в верхней, как гвоздем приколотив челюсти друг к другу. Тотчас огромное тело оплело киммерийца. Потеряв возможность пустить в ход ядовитые зубы, змея попробовала раздавить противника.

Левая рука Конана была прижата к туловищу змеиными кольцами, но правая еще была свободна. Крепко упираясь в пол широко расставленными для равновесия ногами, киммериец схватил торчащую из шей рукоятку первого кинжала и выдернул его из холодного тела. Угадывая нечеловеческим умом намерения врага, змея напряглась, извиваясь, пытаясь захватить и правую руку Конана своими кольцами. Но длинное лезвие поднялось и опустилось с быстротой молнии, почти перерезав надвое огромное тело.

Прежде чем киммериец смог ударить снова, гибкие кольца выпустили его из своих объятий и чудовище скользнуло по плитам в сторону, истекая кровью из страшных ран. Конан прыгнул вслед за ним, поднимая оружие для удара, но убийственный удар поразил только воздух, потому что извивающийся гад скользнул в сторону и ударил головой одну из перегородок сандалового дерева. Дерево поддалось, длинное окровавленное тело скользнуло в щель и исчезло. Конан тут же ударил по перегородке. Несколькими ударами он пробил в ней дыру и заглянул в темное помещение. Черного, жуткого гада нигде не было. Он увидел только лужу крови на мраморных плитах и кровавые следы, ведущие к замаскированной в стене двери. Это были следы босых ног.

— Конан!

Он резко обернулся — в самый раз, чтобы поймать в свои объятия Дэви, повелительницу Вендии, дрожащую от страха, благодарности и облегчения. Она пробежала через всю комнату и бросилась ему на шею.

От всех этих происшествий взыграла горячая кровь киммерийца. Он прижал девушку к груди с силой, которая в иных обстоятельствах вызвала бы на ее лице болезненную гримасу, и запечатлел на ее устах неожиданный поцелуй. Жасмина не сопротивлялась. Место Дэви заняла обычная женщина. Закрыв глаза, она утонула в его диких, горячих поцелуях, отдаваясь этой волне страсти. Он прервался, чтобы набрать воздуха, и взглянул на нее, тяжело дышащую, прижавшуюся к его могучему плечу.

— Я знала, что ты придешь за мной, — сказала она. — Ты не смог бы бросить меня одну в этом логове демонов.

Услышав эти слова, Конан пришел в себя и вспомнил, где они находятся. Он поднял голову и напряг слух. В замке на Йимше царила тишина, но эта тишина была напоена угрозой. Опасность подстерегала в каждом углу, издевательски ощеривалась из-за каждой портьеры.

— Лучше пойдем-ка отсюда, пока есть время, — сказал он. — От этих ран погибло бы любое существо, и даже человек, но не чернокнижник. Нанесешь ему удар, а он отползает, как раненая змея, чтобы из какого-то волшебного источника снова зачерпнуть яду.

Он поднял девушку на руки и понес, словно ребенка, по блестящему нефритовому коридору и лестнице, с напряженным вниманием ища вокруг новые признаки опасности.

— Я встретила властелина Йимша, — испуганно прошептала Жасмина, вновь переживая

весь тот ужас и крепче обнимая спасителя. — Он насылал на меня чары, чтобы сломить волю. Самое страшное — это был гниющий труп, который хватал меня... потом я потеряла сознание и лежала как мертвая, не знаю, сколько времени. Когда я пришла в себя, услышала внизу шум и крики, а потом этот змей вполз в комнату и... ах! — она задрожала. — Каким-то образом я поняла, что это не видение, а настоящая змея, которая хочет меня убить.

— Да уж, это не было видение, — с уверенностью ответил Конан. — Он понял, что проиграл, и предпочитал убить тебя, лишь бы не отдать мне.

— О ком ты говоришь «он»? — спросила она неуверенно.

Она вдруг вскрикнула, прижимаясь к Конану, и забыла о своем вопросе, когда увидела лежащие у подножия лестницы трупы. Останки прорицателей представляли собой не самое приятное зрелище, они съежились и почернели, а запахнувшиеся одеяния обнажили их ноги и руки, не имеющие ничего общего с человеческими. Видя это, Жасмина побледнела и спрятала лицо на широкой груди Конана.

10. ЖАСМИНА И КОНАН

Конан довольно быстро пересек зал, прошел через внешнюю комнату и оказался у двери, ведущей на галерею. Тут он заметил, что пол усыпан мелкими сверкающими осколками. Хрустальный щит, закрывавший дверной проем, разбился вдребезги. Конан вспомнил грохот, который сопутствовал звуку разбивающегося хрустального шара. Он понял, что в этот миг в замке разбился каждый кусок хрусталя. Какой-то неясный инстинкт или воспоминание о тайных преданиях смутно подсказали ему чудовищную правду о связи между Лордами Черного Круга и золотыми плодами гранатов. Он почувствовал, как короткие волосы у него на загривке встали дыбом, и быстро выбросил подобные мысли из головы.

Когда он вышел на галерею из зеленого нефрита, он испустил глубокий вздох облегчения. Ему еще нужно было пересечь расщелину, но по крайней мере он теперь видел белые пики, блестящие на солнце, и огромные склоны, теряющиеся в синей дымке расстояния.

Иракзай лежал там, где упал — уродливое пятно на гладкой стеклянной поверхности. Спускаясь вниз вьющейся тропой, Конан с удивлением отметил положение солнца. Оно еще не прошло зенит, а ему казалось, что прошли часы с тех пор, как он вошел в замок Черных Прорицателей.

Он чувствовал настойчивую потребность торопиться — не слепую панику, а инстинктивное чувство опасности, собирающейся у него за спиной. Конан ничего не сказал Жасмине. Она, похоже, была рада спрятать темноволосую голову у него на груди и чувствовать себя в безопасности в его железных объятиях. Конан на мгновение замер на краю расщелины и, нахмутив брови, глянул вниз. Переливающийся туман в пропасти больше не был розовым и искрящимся. Он был мутным, серым и призрачным, как тень жизни, тлеющей в израненном человеке. Киммерийца посетила странная мысль, что колдовство чернокнижников связано с их личностью больше, чем игра актеров есть отражение жизни живых людей.

Но далеко внизу равнина по-прежнему блестела, как матовое серебро, а золотая полоса сверкала неугасимым блеском. Конан перебросил Жасмину через плечо, против чего она не возражала, и стал спускаться вниз. Он быстро спустился по платформе и пробежал по отрывающемуся эхом дну расщелины. Он был уверен, что будет погоня, и что единственный шанс уцелеть — это как можно быстрее переправиться по этой ужасной полосе, прежде чем раненый властелин настолько обретет силу, что снова обречет их на какую-нибудь опасность.

Когда он взобрался на противоположную стену и встал на краю, Конан вздохнул с облегчением и поставил Жасмину на землю.

— Теперь можешь идти сама, — сказал он девушке. — Отсюда нам все время под гору.

Она украдкой бросила взгляд на сверкающую пирамиду по ту сторону расщелины. Замок вздымался вверх на фоне заснеженного склона, как цитадель молчания и невообразимого зла.

— Неужели ты маг, раз смог победить Черных Прорицателей Йимши, о Конан из Гхора? — спросила она, когда они спускались вниз по тропе. Его мощная рука поддерживала ее за тонкую талию.

— Это благодаря поясу, который мне дал Хемса перед смертью, — ответил Конан. — Да, я нашел его на тропе. Это необычный пояс, я покажу тебе его, когда будет время. Против некоторых чар он оказался слаб, но против других силен. А хороший нож — это всегда отличное заклинание.

— Но если пояс помог тебе победить властелина, — возразила Жасмина, — почему он не помог Хемсе?

Он покачал головой.

— Кто знает? Хемса был рабом властелина; быть может, это ослабило чары пояса. Властелин не имел надо мной такой власти, как над Хемсой. Однако я не могу сказать, что победил его. Он отступил, но я чувствую, что мы еще столкнемся с ним. Я хочу, чтобы между нами и его логовом оказалось как можно больше миль.

Он обрадовался, найдя стреноженных лошадей в роще тамариска, где он их оставил. Конан быстро отвязал их, вскочил на черного скакуна и посадил девушку перед собой. Остальные последовали за ними, освеженные отдыхом.

— Куда теперь? — спросила Жасмина. — В Афгулистан?

— Не сразу! — хмуро усмехнулся он. — Кто-то — возможно, губернатор — убил семерых моих вождей. Мои глупцы-воины считают, что я имею какое-то отношение к этому. Если я не сумею убедить их в обратном, они будут охотиться за мной, как за раненым шакалом.

— Что тогда будет со мной? Если вожди мертвы, я не нужна тебе в качестве заложницы. Ты убьешь меня, чтобы отомстить за них?

Конан глянул на нее сверху вниз, глаза его дико сверкали. Он засмеялся над ее предположением.

— Тогда давай поскачем к границе, — сказала она. — Там ты будешь в безопасности от афгулов...

— Конечно, я скроюсь от них — на вендийской виселице.

— Я королева Вендии, — напомнила она ему. В ее манерах мелькнула прежняя величественность. — Ты спас мне жизнь. Ты получишь награду.

Слова ее прозвучали не так, как она хотела, и лишь привели Конана в негодование.

— Прибереги сокровища для своих городских псов, принцесса. Если ты королева равнин, то я — горный вождь, и не сделаю ни шага к границе!

— Но ты будешь в безопасности... — озадаченно начала она.

— А ты снова станешь Дэви, — прервал он. — Нет, девочка, я предпочитаю тебя такой, какая ты сейчас: женщина из плоти и крови, скачущая со мной на коне.

— Но ты же не можешь задержать меня! — вскричала она. — Не можешь...

— Смотри и увидишь, — угрюмо посоветовал он.

— Я заплачу тебе большой выкуп...

— Дьявол заberi твой выкуп, — грубо ответил он. Руки его сильнее обхватили ее хрупкую фигурку. — Королевство Вендия не в состоянии дать мне ничего, что я желал бы хоть вполчину так же сильно, как я желаю тебя. Я заполучил тебя, рискуя собственной шеей. Если твои придворные хотят получить тебя обратно, пусть явятся на Зхабар и сразятся за тебя.

— Но у тебя нет людей! — возразила она. — За тобой охотятся! Как ты собираешься сохранить свою жизнь, не говоря уж о моей?

— У меня все еще есть друзья в горах, — ответил он. — Ты будешь в безопасности у вождя куракзаев, пока я не разберусь с афгулами. Если я не договорюсь с ними, то, клянусь Кромом, мы с тобой поскачем на север, в степи, к козакам. Я был гетманом в Вольном Братстве, прежде чем отправиться на юг. Я сделаю тебя королевой на реке Запороска!

— Но это невозможно! — воспротивилась она. — Ты не должен задерживать меня...

— Если эта мысль внушает тебе такое отвращение, — поинтересовался он,

— почему ты так охотно подставляешь мне губы для поцелуя?

— Даже королева всего лишь человек, — ответила она, зардевшись. — Но поскольку я королева, я должна думать о моем королевстве. Не увози меня в чужую страну. Поедем в Вендию со мной!

— Ты сделаешь меня своим королем? — сардонически спросил он.

— Ну, существуют обычаи... — запнулась она. Он прервал ее жестким смехом.

— О да, цивилизованные обычаи, которые не позволят тебе поступить так, как ты желаешь. Ты выйдешь замуж за какого-нибудь старого, потрепанного короля с равнин, а я могу отправляться своей дорогой, унося воспоминание о нескольких поцелуях, сорванных украдкой с твоих губ. Ха!

— Но я должна вернуться в свое королевство! — беспомощно повторила она.

— Для чего? — сердито потребовал ответа Конан. — Уныло сидеть на золотых тронах и слушать лесть одетых в бархат глупцов? Что в этом хорошего? Слушай: я родился в горах Киммерии, где все люди варвары. Я был наемником, корсаром, козаком, и переменял еще сотню других занятий. Какой король странствовал по свету, сражался в битвах, любил женщин и собирал такую добычу, как я?

Я пришел в Гулистан, чтобы собрать орду и напасть на южные государства, в том числе и на твое. Я стал вождем афгулов, и это только начало. Если я смогу договориться с ними, в этом году за мной пойдет еще дюжина племен. Но если не смогу — что ж, я вернусь в степь и буду грабить туранское пограничье вместе с козаками. А ты поедешь со мной. К черту твое королевство. Они как-то справлялись сами до твоего рождения!

Жасмина лежала в его объятиях, глядя на него снизу вверх, и почувствовала, как в душе ее пробуждается дикое, дерзкое желание, пробужденное желанием Конана и равное ему. Но традиции тысячи поколений королей лежали на ней тяжким бременем.

— Я не могу! Не могу! — беспомощно повторяла она.

— У тебя нет выбора, — заверил он ее. — Ты... что за черт?!

Они оставили Йимшу далеко позади, и теперь ехали по высокому гребню, разделяющему две долины. Они находились как раз на вершине скального гребня, откуда хорошо была видна долина по правую сторону. Сильный ветер дул от них, поэтому шум битвы был плохо слышен, но и так снизу доносился звон сабель и стук копыт.

Они увидели, как солнце блестит на остриях копий и остроконечных шлемах. Три тысячи всадников в кольчугах гнали перед собой оборванную банду наездников в тюрбанах, которые грызались и отбивались на бегу, как волки.

— Туранцы! — пробормотал Конан. — Отряды из Секундерама. Какого черта они здесь делают?

— Кто эти люди, которых они преследуют? — спросила Жасмина. — И почему те так упрямо отбиваются? Им все равно не выстоять, силы слишком неравные.

— Пять сотен моих храбрецов-афгулов, — проворчал Конан, хмуро глядя вниз, в долину. — Они в ловушке, и знают это.

Долина и впрямь оканчивалась тупиком. Она сужалась, превращаясь в ущелье с высокими стенами, которое вело в круглую котловину. Ее окружали отвесные высокие скалы, по которым невозможно было взобраться.

Наездников в тюрбанах оттесняли в ущелье. Им некуда было свернуть, и они неохотно подчинялись, преследуемые градом стрел и ураганом клинков. Всадники в шлемах подгоняли их, но не слишком наседали. Они знали, что доведенные до отчаяния горцы способны на бешеную ярость, и знали также, что добыча в ловушке, откуда она уже все равно не уйдет. Они распознали в горцах афгулов, и собирались загнать их в тупик и вынудить сдаться. Им нужны были заложники для определенной цели.

Их эмир был человеком решительным и инициативным. Когда он добрался до долины Гураша и не нашел ни проводников, ни эмиссара, которые должны были его ждать, он стал продвигаться вперед, положившись на свое собственное знание местности. Весь путь от Секундерама его люди сражались, и теперь многие горцы зализывали свои раны в деревнях

среди скал. Эмир знал, что, скорее всего, ни он, ни его люди не вернуться живыми в Секундерам, ибо со всех сторон их окружают враги, но он был преисполнен решимости выполнить приказ — любой ценой отнять у афгулов Жасмину Дэви и доставить ее королю Ездигерду в качестве невольницы. Если же это окажется невыполнимым — отрубить ей голову, прежде чем умереть самому.

Разумеется, обо всем это наблюдатели на гребне горы понятия не имели. Но Конан беспокойно зашевелился.

— Какого дьявола они угодили в ловушку? — спросил он у окружающего мира. — Я знаю, что они здесь делали — охотились за мной, псы! Свалили нос в каждую долину, и угодили в западную, прежде чем сообразили это. Несчастные глупцы! Они хорошо обороняются в ущелье, но долго не выстоят. Когда туранцы затолкают их в эту котловину, они запросто их перебьют!

Шум битвы, доносящийся снизу, стал громче. Яростно обороняющиеся афгулы в узком ущелье на короткий миг задержали одетых в кольчуги всадников, которые не могли бросить на них все свои силы.

Конан мрачно нахмурился, беспокойно зашевелился, положив руку на рукоять оружия, и наконец отрывисто сказал:

— Дэви, я должен спуститься к ним. Я найду место, где тебе спрятаться, пока я не вернусь. Ты говорила о своем королевстве... Ну, не стану утверждать, что эти волосатые дьяволы мне как родные дети, но каковы бы они ни были, это мои люди. Вождь никогда не должен предавать своих воинов, даже если они предали его первые. Они думают, что были правы, когда прогнали меня... А, дьявол, от меня не так-то просто избавиться! Я по-прежнему вождь афгулов, и я это докажу! Я спущусь пешком в это ущелье.

— А что со мной? — спросила Жасмина. — Ты силой увез меня от моих людей. Что же, теперь ты оставишь меня одну умирать в горах, а сам спустишься вниз и понапрасну отдашь свою жизнь?

У Конана даже вены вздулись от напряжения.

— Ты права, — беспомощно пробормотал он. — Один Кром знает, что мне делать.

Она немного повернула голову. Озадаченное выражение появилось на ее прекрасном лице. Затем:

— Слушай! — воскликнула она. — Слушай!

Их слуха достигли слабые звуки фанфар. Они устремили взоры в глубокую долину по левую руку от них, и уловили на ее противоположной стороне блеск стали. Длинная цепь пик и полированных шлемов двигалась вдоль по долине, блестя на солнце.

— Всадники Вендии! — вскричала Жасмина.

— Их тысячи, — пробормотал Конан. — Давно уже войско кшатриев не заходило так далеко в горы.

— Они ищут меня! — воскликнула она. — Дай мне твою лошадь! Я поскачу к моим воинам! Горный гребень слева не так крут, и я смогу спуститься в долину. Спускайся к своим людям и продержитесь еще немного. Я направлю свое войско на туранцев! Мы сокрушим их! Быстрее, Конан! Неужели ты пожертвуешь своими людьми ради собственной прихоти?

Она посмотрела ему в глаза и увидела там бушующую страсть, подобную неутолимому голоду степей и зимних лесов. И все же Конан покачал головой и одним могучим прыжком соскочил с коня, отдав ей поводья.

— Ты победила, — буркнул он. — Скажи же, скачи как дьявол!

Жасмина развернулась и направила коня вниз по левому склону, а Конан помчался вдоль гребня, пока не достиг высокого обрыва над ущельем, где шло сражение. Он спустился вниз по скалистой стене, как обезьяна, цепляясь за выступы и выемки, и наконец обрушился в свалку,

которая кипела в устье ущелья. Вокруг него свистели и лязгали клинки, ржали и поднимались на дыбы кони, трепетали перья на шлемах в гуще окрашенных кровью тюрбанов.

Едва его ноги коснулись земли, киммериец испустил боевой клич, подобный волчьему вою, схватился за украшенную золотом узду, увернулся от удара сабли и вонзил свой нож в сердце всадника. В следующий миг он уже был в седле, выкрикивая яростные приказы ошеломленным афгулам. Они некоторое время глядели на него, разинув рты, но видя опустошение, которое он производит вреди врагов, вновь принялись за дело, приняв его возвращение без разговоров. В этом адском хаосе кровопролития не было времени на вопросы и ответы.

Всадники в остроконечных шлемах и украшенных золотом кольчугах клубились в устье ущелья, размахивая саблями. Узкий проход был забит лошадьми и людьми. Воины сражались грудь в грудь, орудовали короткими клинками, пуская в ход сабли, как только появлялось место, чтобы нанести удар. Если воин падал, он больше не поднимался, затоптанный копытами лошадей. Здесь много значили мощь и грубая физическая сила, и вождь афгулов дрался за десятерых. В такие моменты людьми руководит привычка, и горцы, привыкшие видеть Конана во главе, воспрянули духом, хоть и не доверяли ему.

Но численное превосходство тоже играло свою роль. Напирающие задние ряды туранской конницы теснили передних вглубь узкого ущелья, в сверкающие зубы кривых афгульских сабель. Горцы медленно пятились, оставляя за собой горы трупов. Разя и убивая как бешеный, Конан все же успел почувствовать леденящее сомнение — сдержит ли Жасмина свое слово? Она могла встретить своих воинов, повернуть на юг и оставить Конана с его отрядом на растерзание.

Но наконец, когда, казалось, прошли века этой отчаянной схватки, в долине снаружи послышался новый звук. Он перекрыл звон стали и вопли умирающих. И вот, под звуки труб, что сотрясали скалы, пять тысяч всадников Вендии ударили по армии Секундерама.

Удар расколол отряды туранцев, разметал их, и разбросал их жалкие остатки по всей долине. В одно мгновение волна отхлынула из ущелья и рванулась обратно. Образовался хаотический водоворот сражения. Всадники разворачивались и поодиночке или группами бросались в бой. Но вот эмир упал с кшатрийской пикой в груди, и всадники в остроконечных шлемах повернули лошадей к выходу из ущелья, нахлестывая их как безумные и прорубая себе путь через лавину врагов, захлестнувшую их с тыла. В бегстве они бросились врассыпную, а победители бросились врассыпную в погоне за ними. Битва рассеялась по всей долине. Беглецы и преследователи рассеялись по склонам близ устья долины. Оставшиеся в живых афгулы вырвались из ущелья и присоединились к погоне за врагами, приняв неожиданных союзников столь же безоговорочно, как они приняли возвращение своего изгнанного вождя.

Солнце опускалось за дальние вершины, когда Конан в изодранной одежде, в кольчуге, пропитанной кровью, с ножом, по которому стекала кровь, пересек усыпанное трупами поле сражения и оказался на гребне холма, где Жасмина Дэви восседала на лошади в окружении аристократов.

— Ты сдержала слово, Дэви, — проревел он. — Все же, клянусь Кромом, я пережил скверные минуты в этом ущелье... Берегись!!!

С неба спикировал стервятник невероятных размеров, огромными крыльями сметая всадников с седел.

Кривой и острый, как ятаган, клюв был нацелен на нежную шею Дэви. Но Конан оказался быстрее — короткая пробежка, тигриный прыжок, страшный удар окровавленного ножа, — и стервятник испустил ужасный человеческий крик, заметался в воздухе и с высоты тысячи футов рухнул вниз, на камни. Когда он падал, судорожно взмахивая крыльями, его облик изменился. Вместо громадной птицы в пропасть падал человек в черном одеянии, беспомощно раскинув

руки в широких черных рукавах.

Конан повернулся к Жасмине. В руке его все еще был окровавленный нож, синие глаза горели, из многочисленных ран на его могучем теле капала кровь.

— Ты снова Дэви, — сказал он, со свирепой ухмылкой окинув взглядом расшитое золотом платье из тончайшей ткани, которое она набросила поверх одежды горской девушки. Он не испытывал благоговения перед толпой знати, окружавшей Жасмину. — Я должен поблагодарить тебя за жизни трех с половиной сотен моих негодяев, которые наконец-то убедились, что я их не предавал. Ты вернула мне власть, и я снова могу строить планы завоеваний.

— Я все еще должна тебе выкуп, — сказала Дэви, и ее темные глаза при взгляде на него засияли. — Я дам тебе десять тысяч золотых монет...

Конан отмахнулся резким нетерпеливым жестом, стряхнул с ножа кровь и отправил оружие в ножны, а руки вытер о кольчугу.

— Я сам соберу, что мне причитается, и сделаю это по-своему, — сказал он. — Я получу выкуп в твоём дворце в Айодии, и со мной придут пятьдесят тысяч воинов, чтобы убедиться, что весы точные.

Дэви рассмеялась и натянула поводья.

— А я встречу тебя на берегу Юмды с сотней тысяч войска!

Его глаза засверкали свирепым восхищением и пониманием. Отступив на шаг, Конан воздел руку жестом, который был одновременно признанием ее королевского достоинства, и указанием, что путь перед ней свободен.